

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПИСЬМА ИЗЪ АРМЕНІИ.

Ахалцихъ, 1828 г. Сентября 2.

На другой день по взятіи Карса, 24-го Іюня, піраншейныя баппареи съ ихъ длинными изгибиспыми ложаменпами были разрыты и сглажены съ поверхноснію земли. И тамъ, гдѣ *вчера* непріятельскія ядра опхватывали Русскимъ канонерамъ головы, руки, ноги, гдѣ слышны были стоны раненыхъ и умирающихъ—*сегодня* тамъ рѣзвые ребянишки, набѣжавшіе изъ крайнихъ домовъ Армянскаго форшана, съ радоснымъ крикомъ подбѣирая валяющіяся по полю ядра, бѣжали съ ними къ оплоному мѣсту Карсъ-Чая и скапывая ихъ въ рѣку, смѣялись надъ ними, когда они, перепрыгивая черезъ каменя, погружались на дно рѣки, оставляя по себѣ брызги и пѣну.

Іюня 25-го, въ радосный день рожденія Императора нашего Николая, Опдѣльный Кавказскій корпусъ, передъ спѣнами покоренной 160-пи пушечной крѣпости Карса, возсылалъ теплыя моливы къ престолу Всевышняго о здравіи и

Апрѣль 1829.

долгоденствіи Царя своего по дарованной побѣдѣ.

Посреди обширнаго каре, коего правый и задній фасы составляла вся осадная и полевая артиллерія, при возглашеніи священникомъ : « *На враги-же побѣду и одолѣніе* » у всѣхъ 60-ти орудій размахнулись горячіе фитили. « *И сохрани Его на многія лѣта.* » — Прекрасные пѣвчіе 39-го егерскаго полка запѣли: *многія лѣта*, а Кашипанъ осадной артиллеріи крикнулъ: *первая!*—раздался выстрѣлъ 24 фунтовой пушки—*вторая!* — *третья!* — и прогремѣли сно одна.

Начался церемоніальный маршъ. Впереди шла пѣхоша, за нею осадная артиллерія, потомъ полевая, потомъ регулярная кавалерія. Наконецъ Казаки, Грузины, Тапарты и коннокозачья артиллерія, съ радостнымъ крикомъ : Ура! пронесли мимо Графа Эриванскаго, какъ вихрь, какъ буря.

Графъ Эриванскій съ каждымъ взводомъ здоровался и всѣхъ поздравлялъ съ побѣдою; но « *спасибо ребята!* » говорилъ лишь только пѣмъ полкамъ, которые были въ жаркомъ дѣлѣ; артиллерію-же баталарей, боровшихся съ ужасною цитаделью Карса, привѣщивалъ : « *Спасибо вамъ, друзья мои, спасибо!* »

Во весь эпопѣй день до зари вечерней, по всему лагерю раздавались веселыя Русскія пѣсни и

гремѣла полковая музыка. Но Грузины аробщички, передъ длинными рядами своихъ парковъ, до полуночи пѣли любимую, безконечную и однообразную : *о-ро-ло-ли, о-ро-ло* (*) и плясали до упада, такимъ образомъ :

Человѣкъ сорокъ и болѣе, сцѣпившіеся руками одинъ съ другимъ за поясные ремни, на коихъ висятъ широкополосные кинжалы, составляютъ обширный кругъ, по срединѣ коего шумитъ музыка : *зурна*, родъ нашей балалайки, мѣдный рожокъ, надуваемый какъ гобой, и барабанъ; крикунъ импровизаторъ, изъ аробщиковъ-же, рѣзкимъ, звонкимъ голосомъ покрываетъ шумную музыку всегда свѣжею, на-лешу сочиняемою, чепухою.

Танцующіе, съ приспукиваніемъ ногъ, по подаются на лѣво, по на право, и во все время музыкѣ и крикуну акомпанируютъ припѣвомъ : *о-ро-ло-ли, о-ро-ло.*

До 4500 человѣкъ плѣнныхъ Турокъ, отдѣльно отъ лагеря, окруженные цѣпью егерей, поджавши ноги, сидѣли надъ крупнымъ берегомъ Карсъ-Чая и, потупивъ глаза въ землю, докуривали послѣдній табакъ. Доселѣ рѣзвые жеребцы ихъ, повѣся головы, дремали надъ своими унылыми всадниками и, казалось, раздѣляли горе ихъ.

(*) Этотъ припѣвъ, по распросамъ моимъ отъ Грузинъ, не значитъ ничего. Тоже, что и у насъ : *ай люли, ай люли.*

Наши Тапарскіе кавалеристы, подѣлѣнію своихъ опкрытыхъ съ боковъ палашиковъ, также сидѣли поджавши ноги и съ пистолетами; но гордо, какъ побѣдители, и, *безъ надобности*, поправляя свои шашки, кинжалы и прочее оружіе, хладнокровно смотрѣли на уныніе Турокъ и на просносердечную веселость мирныхъ Грузинъ аристократовъ.

Проспанная, зеленѣющая долина, красиво извивающаяся около лагеря, рѣка, лучшее время года, здоровый климатъ и наконецъ покореніе спрашанной крѣпости: все это вмѣстѣ, при изобилии провѣанна, водки и мяса, было для нашихъ солдатъ пріятнѣйшимъ Русскимъ праздникомъ — масляницею. А ихъ довольство, веселость, любовь къ начальникамъ и увѣренность, что они никѣмъ и никогда не могутъ быть побѣждены, радовали всѣхъ, начиная отъ молодаго замыкающаго прапорщика, до полковаго командира и выше—выше. И эта невольная радость, по мѣрѣ образованности, важности занимаемаго мѣста, выражалась на лицахъ отъ простой, остановившейся на устахъ улыбки, до сладкой, опіумской слезы умиленія. Ты не служилъ, Пашонъ, въ военной службѣ, тебѣ не случалось владѣть до-вѣренностію и слѣдовательно сердцами Русскихъ солдатъ; ты не былъ свидѣтелемъ ихъ опважныхъ подвиговъ, которыми они, въ бѣдовыхъ случаяхъ, выкупаютъ любимыхъ ими начальни-

ковъ собственною своею жизнію. Я также не испытывалъ ничего надъ собою, но видѣлъ примѣры подобнаго великодушія и благословляю край родной, свящую Русь.

Такимъ образомъ всеобщая радость разливалась по всему лагерю нѣсколько дней и, разумѣется — такъ созданъ человекъ — послѣ восхищительнаго побѣднаго дня, удовольствіе день опѣ дня становилось слабѣе и слабѣе, какъ опѣ послѣдняго удара постепенно исчезающій звонъ колокола—утихла, и неперѣблвное желаніе идти впередъ, къ новымъ завоеваніямъ, заснуло мѣсто радости.

Уже по вечерамъ старые солданы, безъ пѣсень, безъ игръ, попились около своихъ палатокъ и безпрестанно посмакивая на большую спавку съ золотыми маковками, на палатку Графскую, поговаривали: *Да скоро-ли ее спимутъ? Долго-ли намъ стоять здѣсь?*

Каждый день при закатѣ солнца, Графъ выходилъ изъ своей палатки и прохаживался до поздняго вечера. Въ продолженіе сего времени всѣ чиновники его Штаба, опѣ Начальника онаго до/дежурнаго Адъютанта, по приходили къ Графу съ докладами, по уходили для выполненія его приказаній. Во всемъ этомъ обыкновенномъ дѣйствіи солданы видѣли одно: *распоряженіе къ завтрашнему походу*. «Видишь» говорили догадливые, «побѣжалъ адъютантъ? Не

даромъ : завтра походъ ! пойдѣмъ ребяна поужинаемъ и пораньше ляжемъ спать. »

Наконецъ вышелъ приказъ приготовитьсь къ походу. Всеобщая радость ! Опять въ каждой ротѣ поднялись пѣсни , игры , въ каждомъ полку загрѣбла музыка и въ каждомъ отдѣленіи подвижнаго магазина и артиллерійскаго парка Грузины аробщики заплянули свою любимую : О-ро-ло-ли , о-ро-ло !

Но послѣ сего радостнаго приказа , наканунѣ выступленія , открывається чума и вскорѣ разливается по всему лагерю корпуса !

Съ чѣмъ сравнить себѣ этотъ крупной , убійственный переходъ отъ радости къ ужасу ?

Мнѣ кажется , что съ разоженной головешкою въ рукахъ , легче пройди корридоромъ какого нибудь стараго , наполненнаго порохомъ погреба , чѣмъ въ военное время , на пути къ громкой славѣ , быть остановлену гибельною чумою и нѣсколько дней , на бивакахъ , прожить въ каре 45-ти тысячнаго корпуса , ожидая всякую минушу смерти. Въ первомъ случаѣ : минувшая оспорожность , минувшій страхъ—и дѣло кончено ; а тутъ мученьямъ нѣтъ конца ! Боишься приблизиться къ пріятелю , дашь руку искреннему другу !

Чума была открыта въ корпусномъ подвижномъ госпиталѣ , между ранеными Турками ,

пришедшими изъ гнѣздилища чумы — изъ Арзрума, для защиты Карса.

Спрожайшія мѣры, потчасъ взявша пропивъ разливающейся по корпусу лютой смерпи, основали ея ужасное дѣйствіе, но все таки, черезъ день, черезъ два, въ какомъ либо составѣ корпуса, она вспыхивала изъ подъ плѣющаго пепла и сжигала одного, двухъ человѣкъ.

Прекрапилась наконецъ. — Іюля 16-го, Опдѣльный Кавказскій корпусъ, опдѣлавшись, какъ не лзя лучше, отъ новаго, ужаснѣйшаго непріятеля—чумы, оставилъ мѣсто лагеря, напипанное кислотою и сѣрою, и съ развернутыми знаменами, съ музыкою и пѣснями, прошелъ мимо угрюмыхъ спѣвъ Карса къ Ахалкалаку.

Отъ Карса до Ахалкалака не болѣе 100 верстѣ: но на этомъ небольшомъ пространствѣ Корпусъ тянулся восемь дней, отъ ранняго утра до поздняго вечера. По сему ты можешь судить о трудности дороги. Почти безпрерывно мы должны были то спускаться, то подниматься съ горы на гору и дѣлать необыкновенныя усилія для подъема и своза осадной артиллеріи и ея тяжелыхъ парковъ. Горы сіи называющіяся Чалдырскими; на ихъ хребтахъ былъ мѣстами видѣнъ снѣгъ. И мы, въ Іюль мѣсяцъ, по ушрамъ снимали палатки оледенѣлыя. Вечерняя роса передъ утромъ замерзала, и, пока не обогрѣешь солнце, мы дрожали отъ холода.

18-го числа, послѣ весьма трудной, 12 часовъ продолжавшейся дороги и жаркаго дня, въ 4 часа по полудни, корпусный Шнабъ остановился у береговъ озера Чалдырь, имѣющаго окружность до 150 верстъ.

Послѣ каменистыхъ и почини безводныхъ переходовъ, это озеро показалось мнѣ моремъ и разумѣется *Чернымъ*, когда оно, *бывало*, въ это-же время года, покоясь въ совершенной тишинѣ, прельщало своею необозримою зеркальною поверхностію и вызывало Одесскихъ жипелей и приѣзжающихъ изъ Польши, для цѣлипельныхъ и вмѣстѣ пріятнѣйшихъ кунацій.

Былъ вечеръ. Солнце, казалось, довольное нашимъ миролюбивымъ движеніемъ, весело закатывалось за снѣжные хребты окружающихъ горъ, и вливало хорошее расположеніе въ каждого. Но мѣрѣ какъ полки, слѣдуя одинъ за другимъ, занимали свои мѣста и разбивали палатки, озеро наполнялось купающимися, а берега его охотниками до рыбы, дичи; по среднѣ озера, поже охотники, плавали на инженерной парусинной лодочкѣ; въ лагерѣ играла музыка. Я купался, хоть безъ *тебя* и не въ *Черномъ морѣ*, но съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Два раза выходилъ я изъ воды, и опять, съ новымъ удовольствіемъ, кидался въ озеро и плавалъ съ такою радостію, какъ дикая утка, вырвавшаяся

изъ рукъ немилосердаго повара. Но возвращаясь въ свою укромную палатку, я невольно вспомнилъ *о прошедшемъ*, невозвратномъ—и свинцовое уныніе опять налегло на мое неспособное сердце.

Вмѣсто прелестной Лизы, мой добрый Фока, измученный трудностію похода, съ нахмуреннымъ лицомъ, подаль мнѣ спаканъ негодного чаю. Ахъ, Платонъ! Долго-ли я буду мучиться воспоминаніями невозвратно прошедшаго счастья, слабо утѣшаясь будущимъ и не основываясь себя на наспоящемъ, видимомъ?

Іюля 23-го, въ 8 часовъ утра, когда наши передовыя колонны начали спускаться съ хребта горъ на Ахалкалакскую равнину, влѣво на опдаленной горѣ, показалось до 400 человекъ непріятельской конницы; проотивъ нихъ послали Донской Казачій полкъ: Турки скрылись за гору. Передъ полуднемъ, въ 3 верснахъ отъ крѣпости, Корпусъ остановился лагеремъ.

Графъ Эриванскій поѣхалъ впередъ, взглянуть на мѣстоположеніе крѣпости и ея окрестности.

Ахалкалакъ имѣетъ видъ продолговаатаго чеп-вероспоронника, высокія стѣны до 5-ти сажени, хорошо укрѣпленныя твердыми башнями. Онъ построенъ между двухъ соединяющихся оспрымъ угломъ рѣчекъ: Тапаравани и Гендара-Чая. Высокіе, опрубисные берега сихъ рѣчекъ, съ юго-

восточной и сѣверо-западной стороны , служащѣ крѣпости неприступными рвами. Главная, сѣверо-восточная спорона , противу нашего лагеря , шверже, и вооружена сильнѣе прочихъ стѣнъ.

Въ этой же сѣверо-восточной стѣнѣ и крѣпостныя , обороняемая двумя могучими башнями , ворота , и за сею же стѣною, въ сѣверномъ углу, небольшая , но прѣтвердая , командующая всею крѣпостію цитадель , а въ противоположномъ , южномъ углу , видны куполъ и минаретъ мечети. Передъ сею , сильнѣйшею прочихъ стѣною, нѣтъ рва , но возвышающаяся поверхность земли , устланная многочисленными буграми и вертикально стоящими плитами , какъ гласисомъ закрываетъ стѣну; противоположная сей стѣнѣ , юго-западная , также имѣетъ ворота и башни , укрѣпленные пушками. За сею , до соединенія рѣчекъ , на каменистой поверхности земли , имѣющей видъ длиннаго треугольника , видны развалины просираннаго форшпата; полуразрушившаяся мечеть и минаретъ кажутся новѣйшимъ строеніемъ. Говоряшъ , что этотъ форшпатъ уничтоженъ нашими войсками въ 1806 году, заплотившими за по Ахалкалакскому гарнизону двумя полевыми пушками и 1200-ми солдатами. Эта необыкновенная потеря произошла отъ безпечности Рускихъ. Память непріятная — но, правда ! впередъ наука.

Корпусный Командиръ , видя ничтожность этой крѣпости въ сравненіи съ Карскою , и

предусматривая преніе, ужасное дѣйствіе (Ахалцхскій шпурмъ) прагедіи, имъ разыгрываемой, думалъ о сбереженіи каждой капли крови своего малочисленнаго корпуса, обремененнаго тяжесіями необходимаго обоза, и не хотѣлъ перяпъ ни времени, ни людей, почему и предложилъ было Ахалкалакскому гарнизону самыя выгодныя условія о сдачѣ крѣпости: но варвары не хотѣли добровольно распапъ съ разбойническимъ гнѣздомъ предковъ своихъ. «Нѣпъ!» отвѣчали они на милоспивое предложеніе Графа: » мы не Эриванскій и не Карскій гарнизонъ; мы выслали опсюда женъ и дѣшей нашихъ, съ пѣмъ, чпобы или зацпишипъ, или, съ оружіемъ въ рукахъ, умерепъ на спѣнахъ эпихъ — побѣдите насъ: вопъ наше условіе. »

Между пѣмъ какъ сіи уже нарочно замедляемыя переговоры длились, Графъ приказалъ мнѣ высмотрѣпъ ближайшее и выгоднѣйшее мѣспо для брешъ-батпарей, пропивъ сѣверо-восточной спѣны, а Полковнику Бурцову, пропивъ юго-восточной, для демонпиръ-батпарей. Кончились переговоры. Графъ возврапился въ лагерь.

До самаго заката солнца, всѣ спѣны крѣпости были унизаны вооруженнымъ гарнизономъ и разноцвѣтными знаменами.

Въ 9 часовъ вечера, по наружную сторону крѣпостныхъ спѣнъ, запылали коспры, еще днемъ

приготовленные Турками ; для предосторожности опѣ нечаяннаго нападенія , они горѣли во всю ночь.

По захожденіи солнца , въ сумерки , проптивъ лѣваго фланга нашего лагеря , примыкающаго къ крупнымъ берегамъ Гендара-Чая , были переправлены два баталіона пѣхоты , для осадныхъ работъ , и , для прикрытія оныхъ , четыре легкихъ орудія съ частію регулярной кавалеріи. Тихо , безъ спугу , прошедши при версмы по лѣвому берегу рѣчки , подкрались они къ юго-восточной стѣнѣ крѣпости , и въ 200 саженьяхъ опѣ оной , съ чрезвычайною оспорожностію , принялись за свое дѣло. Въ слѣдъ за ними баталіонами , съ такою же оспорожностію , были переправлены : башпарейная , 20-й бригады , рота и двѣ осадныхъ морширы. И передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня , 24-го числа , уже всѣ сіи орудія стояли за высокимъ , прекрасно устроенымъ въ ночь брусшверомъ , прикрываемымъ съ фланговъ длинными лежаменами. Кроме сей башпарей , на самомъ берегу рѣчки , во стѣ саженьяхъ опѣ атакуемой стѣны крѣпости , была сдѣлана скрытая башпарейка , для 40-ти кугорныхъ морширокъ. Разсвѣло. Турки изумились , но не потерялись ; потчасъ открыли пушечный огонь и весьма удачно : всѣ ядра первыхъ ихъ выпрѣловъ врѣзались въ рыхлый нашъ брусшверъ и длинные усы нашихъ спариковъ бомбардировъ напудрили землею. Между тѣмъ уже наши орудія были на-

ведены вдоль главной, сильно вооруженной крѣпостной стѣны. Приказали стрѣлять — и первое Русское ядро вышибло два зуба цитадельской башни; второе выломило два верхнихъ камня въ стѣнѣ; первая бомба пробила куполъ мечети, вторая, вломившись въ окно, лошнула внутри окой; куторныя морпирки рассыпали свои гранаты по всему проспективу крѣпостнаго строенія.

Такимъ порядкомъ наша баштарея продолжала стрѣлять съ удивительною мѣткостью два часа, и привела въ безпорядокъ гарнизонъ и артиллерию до того, что неустрашимые въ переговорахъ Турки, оставили стѣны крѣпости своей на волю нашей баштареи, и одни прижались за толстымъ основаніемъ атакуемой нами стѣны, другіе въ цитадели скрылись подъ вѣрные своды казематовъ, а трети, рассыпавшись по саклямъ, развели тамъ огни и стали приговаривать объѣдъ.

Начальникъ Шнаба послалъ меня доложить объ этомъ Графу. « *Сію минуту, сказалъ мнѣ Графъ, возьмите четыре баттарейныя и двѣ осадныя пушки, подвезите ихъ къ этой (сѣв. вост.) стѣнѣ и растворите ворота ядрами.* »

Черезъ полчаса всѣ шесть сказанныхъ орудій, подъ прикрытіемъ Ширванскаго багалиона, рысью, пылили по дорогѣ изъ лагеря къ крѣпости. Двѣ

осадныя пушки, съ ихъ длинными зарядными ящиками, запряженныя двадцатью двумя лошадьми, и четыре орудія баппарейныхъ, издали, въ пыли, показались Туркамъ прѣмя ужасными колоннами, несущимися къ спѣнамъ ихъ съ рѣшительнымъ ударомъ.

По приближеніи нашемъ къ крѣпости, гарнизонъ высыпалъ было на спѣны, для вспрѣчи насъ ружейнымъ огнемъ; но демонпиръ-баппарея сыпнула въ нихъ картечью—и всѣхъ какъ не было: скрылись за основаніе спѣнъ. Между тѣмъ 4 баппарейныя орудія, подъ защитою демонпиръ-баппареи, безвредно примчались къ своему мѣсту (двѣ осадныя пушки остановились въ 200 саж.) и въ 60-ти саженьяхъ опѣ крѣпостной спѣны открыли пальбу. Повалились зубцы, камни, запрещали ворота. Гарнизонъ совершенно потерялся и, забывъ обѣнъ свой умереть съ оружіемъ въ рукахъ, бросился спускаться по веревкамъ и прыгать чрезъ спѣны на скалистый берегъ Тапаравани и, уцѣлѣмъ, бѣжать по теченію рѣки. За ними послали двѣ роты Ширванскаго полку. Во время безпорядочнаго волненія гарнизона, барабанщикъ Ширванскаго полка, при помощи другаго, вскарабкался на спѣну и приударилъ тревогу — его убили. Но уже на спѣнахъ явилось нѣсколько Русскихъ солдатъ: Турки, не успѣвшіе спуститься за спѣны, бросились въ цитадель и заперлись въ оной. На первое предложеніе сдатьсь, они съ радостію согласились и отперли ворота.

Такимъ рѣшительнымъ образомъ крѣпость была взята до полудня, и почти безъ потери съ нашей стороны.

Здѣсь, подъ спѣнами Ахалкалакскими, Корпусъ простоялъ до 4-го Августа; въ продолженіе сего 7-ми дневнаго отдыха, гренадерская бригада Г. М. Муравьева ходила для занятія крѣпости Герп-вистъ; потомъ пошла для обрабопыванія дороги, идущей отъ Ахалкалака до Ахалциха чрезъ хребты высокихъ горъ, заросшихъ густымъ лѣсомъ; собирались слабые резервы изъ Грузіи. И въ продолженіе сего-же времени, Графъ Эриванскій узналъ, что крѣпость Ахалцихъ сильно вооружается, что даже самый городъ, до сего обнесенный простымъ пыномъ, усиленъ другимъ, крѣпчайшимъ, изъ шолстыхъ сосновыхъ бревенъ, и на каждомъ его фасѣ сдѣланы твердые, вооруженные пушками бастіоны; что и по наружную и по внутреннюю сторону палисадовъ вырыты глубокіе рвы; что внутренніе, накрытые сверху бревнами и заваленные землею, обезнечиваютъ сидящій въ оныхъ гарнизонъ отъ нашихъ выстрѣловъ, и что до 30-ти тысячъ непріятельскаго войска, подъ командою двухъ Пашей: Мустафы и Кіоса-Маме-та, спѣшатъ изъ Арзрума на защиту Ахалциха, имѣющаго 15-ть тысячъ своего гарнизона.

«Все хорошо,» сказалъ однажды Графъ Эриванскій, послѣ глубокаго размышленія, сполщему

передъ нимъ Начальнику Арпиллеріи: «очень хорошо; но у насъ мало зарядовъ. 42-ть тысячъ, вы говорили? Это еще изрядно, но карпечей мало. Попробуйте для морпирь сдѣлать каменные и покажите мнѣ ихъ дѣйствіе, и бомбъ, рикошетно: ими понадобятся ломать палисады.» На другой день тому и другому была дѣлана проба. Графъ былъ доволенъ и приказалъ приготовить 2000 кожаныхъ мѣшковъ для морпирныхъ карпечей.

Іюля 4-го Корпусъ двинулся къ Ахалциху. Первый переходъ былъ слишкомъ 20 верстъ, и хопя оплого, но все въ гору.

Уже передъ позднимъ вечеромъ Корпусъ остановился лагеремъ на небольшой равнинѣ, изуродованной преглубокими оврагами и рытвинами, между кустарниками начинающагося лѣса.

По вновь прорубленной дорогѣ, извивающейся между густымъ лѣсомъ, въ гору поднялась осадная арпиллерія и скрипѣли арбы ея тяжелаго и длиннаго парка.

Не всело, сердито закапывалось солнце за угрюмыя вершины горъ. Вокругъ лагеря пылали кустарники и костры срубленныхъ сосенъ; надъ лагеремъ черными облаками клубился дымъ; упомянутые солдаты, въ ожиданіи ужина, дремали вокругъ пылающихъ огней; съ глухимъ опзывомъ падали горные ручьи на дно глубокихъ овраговъ; на хребтѣ горы, тихо качаясь, шумѣлъ длинный

сосновый лѣсъ, изъ-за коего молодая луна, тихо поднимаясь, робко глядѣла на грозный станъ Кавказскаго Корпуса. Эта рѣдкая карпина, въ другое время, была-бы для меня прелестна, но иногда она наводила на меня уныніе: желчная горячка гнѣздилась во внутренности моей; я просудился отъ купанья. Во всю эту ночь шажески переправлялись черезъ хребетъ горы. Последняя артиллерія и арріергардъ перевалились по ту сторону горы уже на третій день вечеромъ.

Не могу себѣ сдѣлать похожаго сравненія съ этою неимоверною трудностію, съ которою тяжелая артиллерія была спускаема по ту сторону горы. Скажу просто: добравшись до хребта горы, примѣръ 24-хъ фунтовая пушка оснащавалась, и длинный рядъ ея лошадей, кромѣ пары коренныхъ, выпрягали, и по крупому спуску горы, идущему по разнымъ извилистымъ направленіямъ, сводили къ подошвѣ горы верстъ шесть. Все это разстояніе спуска было раздѣлено на три участка, то есть, въ трехъ мѣстахъ стояли баталіоны, передающіе одни другимъ шажески. Къ 24-хъ фунтовой пушкѣ, оснащенной на перевѣсѣ горы, привязывали длинныя веревки, за концы коихъ брались 80 и 100 человекъ перваго участка и, упираясь ногами въ землю, бороздили оную до втораго участка, гдѣ передавъ, опять возвращались на хребетъ горы,

чтобъ со слѣдующею пушкою сдѣлать тоже; второю участкомъ людей такимъ-же образомъ передавалъ пренъему, и такъ далѣе.

Легкія повозки и арбы спускались съ горы иначе : опложивъ , кромѣ коренныхъ , лошадей или буйволовъ, привязывали позади арбъ по нѣскольку вѣшвистыхъ сосенъ, на кои спановились по просе и болѣе челоуѣкъ, и такимъ среденвомъ волочили до самой равнины, разметывая и уравнивая за собою дорогу, изрытую артиллеріею.

Я видѣлъ, какъ при одномъ крутомъ спускѣ и поворотѣ, 24-хъ фунтовая пушка, вырвавшись изъ сильныхъ рукъ 120-ни гренадеръ, покапшилась , и со всего розмаху , опрокинувшись , исковеркала почти желѣзныя дроги, на коихъ она лежала, раздавила коренныхъ лошадей и съ корнемъ выворочила двѣ полныя сосны.—Уже поздно было, когда я, Іюля 3, спустился съ этой ужасной горы, и у подошвы ея, близъ какой-то деревни, въ саду, обыскалъ паланку своего Генерала (Гилленшмидта).

На другой день, 4-го Іюля, чуть свѣтъ, опять все пронудось и опять, почти съ такою-же, какъ и вчера, трудностію, переправлялись черезъ послѣднюю высокую гору. Передъ вечеромъ, Корнусъ спалъ собираться и разбивать палатки на правомъ берегу Куры, въ 6-ти верснахъ отъ крѣпости Ахалциха. Въ эту-же вечеръ, въ сумерки, вдругъ

поднялась сильная ружейная перепалка за Курюю. Это было нападеніе Турокъ на нашихъ фуражировъ. Но небольшое, бодрствующее наше прикрпніе оспановило тихо подкравшихся Турокъ и бысро воронило ихъ къ крѣпости.

Іюля 5-го, опъ раннего упра до 9-ии часовъ до полудни, съ зрительною трубою, Графъ просидѣлъ на вершинѣ высокой горы : онъ разсматривалъ мѣстоположеніе Ахалциха и его окрестностей.

Въ 10-иѣ часовъ упра, оснавя на правомъ берегу Куры вагенбургъ, Графъ приказалъ полкамъ переправиться на лѣвый берегъ рѣки. Перешли, успроились въ боевой порядокъ и пошли впередъ къ Ахалциху. Опошедши чепыре верспы, Графъ Паскевичъ велѣлъ войску оспановиться для отдохновенія. Было около двухъ часовъ по полудни; солнце жгло до невозможности шерпѣнь! Въ продолженіе двухъ-часоваго опдыха, Турецкая кавалерія быстро разѣзжала прошивъ первой линіи, и не видя съ нашей спороны ни одного выспрѣла, храбрилась до чрезвычайности... Вдругъ въ обѣихъ нашихъ линіяхъ загремѣли барабаны, музыка—и полки пошли впередъ. Турки попробовали-было замедлить наше движеніе градомъ пуль, пущенныхъ изъ шучь ихъ кавалеріи; но могли ли они задержать желѣзныя спѣны полковъ нашихъ? Арпиллерія, идущая въ первой линіи, на-

спулая, рысью, стала дѣйствовать по непріятельскимъ кучамъ и потчасъ заставила ихъ поспѣшно отспупать къ укрѣпленному близъ крѣпостныхъ стѣнъ лагерю; противъ сѣверной части города, и подъ выстрѣлы восточной стороны крѣпости. Высокая, опидѣльная гора, командующая и городомъ и укрѣпленнымъ лагеремъ, была занята батинареею. Уже солнце закатывалось, наступалъ вечеръ, полкамъ приказано остановиться; вагенбургу переправиться за Куру впередъ; назначено мѣсто лагеря... Вдругъ непріятельская конница въ большихъ силахъ, кучами, понеслась мимо фланговъ нашей линіи, съ намѣреніемъ сдѣлать нападеніе на переправляющійся чрезъ рѣку вагенбургъ; но ее остановили, опрокинули и весьма невыгодно поворошили назадъ.

Дѣйствія этого дня кончились тѣмъ, что въ слѣдующую ночь, передъ центромъ и на флангахъ корпуснаго лагеря, расположеннаго на весьма выгодномъ мѣстоположеніи, было сдѣлано при большіе редуны, изъ коихъ утромъ, 6-го Іюля, началась канонада по городу и по укрѣпленному лагерю.

До 8-го числа, вся восточная сторона Ахалциха была въ сильной блокадѣ. Всѣ мы — народъ мѣлкій — навѣрное полагали, что Графъ намѣренъ начать осаду города съ восточной стороны: но вышло не шакъ. Корпусный Командиръ нашель,

чно для осады и штурма крѣпосни нѣтъ выгоднѣе иного мѣсна, гдѣ стоялъ укрѣпленный Турецкій лагерь, опдѣленный отъ нашего глубокими оврагами и рывинами. Съ этой только спороны наши войска, не будучи раздѣленными, могли дѣйствовать сильно. Но чибѣ завладѣнь выгоднымъ мѣстоположеніемъ лагеря, надобно было сдѣлать рѣшительную атаку и *непремѣнно* разбить укрѣпленный 20-ти тысячный Турецкій лагерь, а потомъ уже начать осаду. Дѣло не легкое, но и необходимое! Намъ нечего было ждать: слабые резервы изъ Грузіи пришли; жизненные и военные припасы уменьшались съ каждымъ днемъ, привоза коихъ не откуда было ждать; Турки и думали не хотѣли дать намъ полевое сраженіе, а ихъ хладнокровіе было для насъ, въ отношеніи продовольствія войскъ, явный вредъ. Рѣшено. Съ 8-го на 9-е число Августа, Графъ Паскевичъ, съ 8-ю баталіонами пѣхоты, со всею кавалеріею и съ 25-ю орудіями, ночью, обошелъ непріятельскій лагерь справа, съ нѣмъ, чибѣ на другой день атаковать и разбить его. Но съ разсвѣтомъ дня, 9-го Августа, Турки открыли его движеніе и съ прехъ споронъ атаковали жестоко. Началось сраженіе и продолжалось 44-ть часовъ. Превосходство непріятельскихъ силъ, изрынное оврагами мѣстоположеніе, пруды ночного перехода, нестерпимый жаръ, продолжавшійся до самаго вечера, и наконецъ, отъ нашедшихъ

надъ сражающимися дождевыхъ тучъ, спертый, удушливый воздухъ: все это вмѣстѣ затрудняло дѣйствіе нашихъ войскъ и ослабляло въ силахъ—обстоятельство было плохое! Дѣло начинало быть сомнительнымъ; казалось, что фортуна готовилась измѣнить своему любимцу. Поперяглой нашей войны зависѣла опъ одного шага назадъ. Надобно было быть рѣшительнымъ, даже дерзкимъ. Такъ и было. Утомленные Турки, зная превосходство силъ своихъ и мѣстоположенія, и видя неподвижность нашего предпріятія, начали дѣйствовать слабѣе, безпечнѣе: главныя ихъ силы шолпились противъ фланговыхъ нашихъ колоннъ. Примѣня сіе, Графъ тотчасъ приказалъ артиллеріи и колоннамъ приготовиться къ приступу. Между тѣмъ, скопившіяся надъ головами сражающихся тучи разрѣшились крупнымъ дождемъ, заблистали молніи и загремѣли громы. Дѣйствіе сражающихся спало еще слабѣе... Вдругъ наша легкая артиллерія, подъ прикрытіемъ пѣшихъ колоннъ первой бригады, проворно спустилась въ оврагъ, быспро внеслась на возвышеніе, и подъ непріятельскимъ огнемъ, успроившись, открыла канонаду по башнарямъ укрѣпленнаго лагеря. Пѣшія колонны, скользя по глинистой оплогости холма, медленно приближались къ нашимъ дѣйствующимъ башнарямъ. Полился дождь какъ море; блеснула блѣпительная молнія, разразился ужасный громъ: колонны Рускихъ, какъ-бы ободряемая самимъ

исбомъ, крикнули: ура! и понеслись на Турецкія башипарей. Варвары оробѣли, бросили лагерь и кинулись—пѣхота въ городъ, а кавалерія влѣво, къ Арзрумской дорогѣ, и какъ быстрый полюкъ, унесла съ собою и другой укрѣпленный лагерь, сиюявшій въ одной верстѣ отъ западной стѣны города, и еще два, расположенныя по дорогѣ къ Арзруму. Наша кавалерія и конная артиллерія преслѣдовали ихъ 10-ть верстъ. Все это происшествіе было загромождено непріятельскою полевою артиллеріею, ея и инженерными парками и подвижнымъ магазиномъ. Все доспалось побѣдицеямъ.

Завладѣвъ укрѣпленнымъ лагеремъ, а съ симъ вмѣстѣ и вѣрнымъ основаніемъ къ дальнѣйшимъ окончательнымъ предпріятіямъ, въ эту-же ночь начались и въ слѣдующую кончились наши осадныя работы.

Прошивъ сѣверной части города, въ 200-хъ саженьяхъ отъ окружающихъ его палиссадовъ, подъ разными направленіями, нераздѣльно шинулись наши башипарей слѣдующимъ порядкомъ: на лѣвомъ флангѣ сиюяли 8-мь башипарейныхъ орудій, подлѣ 6-ти 2-хъ пудовыхъ мортиръ; потомъ четыре 24-хъ фунт. пушки и два пудовыхъ еди-порога; далѣе опять 8-мь башипарейныхъ орудій, и наконецъ, на правомъ флангѣ, до 20-ти легкихъ (въ томъ числѣ 10-ти Турецкихъ) орудій и между ими Конгровыя ракеты. Съ разсвѣтомъ

дня, 11-го Августа, началась работа. Осадныя пушки и единороги открыли огонь по стѣнамъ крѣпости и цитадели, а вступленія оныхъ спроектія уничтожались шестью мортирами; баатарейныя орудія принялись разрушати атакуемый полигонъ и идущій отъ него, въ обѣ стороны, палисадъ; легкія орудія и Конгревовы ракеты стрѣляли по городскимъ строеніямъ и вдоль улицъ. Кромѣ сего, съ противоположащей южной стороны, изъ за рѣчки Ахалцихъ, съ высокаго скалистаго бугра, 4 баатарейныхъ орудія и 4-же, прошивъ восточной стѣны крѣпости, гремѣли вдоль и поперекъ города. Такимъ образомъ, до 60-ти разнородныхъ орудій гремѣли два дня и, казалось, колебали скалистое основаніе крѣпости и города. Еще въ первый день крѣпостная артиллерія приведена была въ невозможность дѣйствовать, и весь гарнизонъ, защищавшій городъ, сидѣлъ позади палисадовъ, во рвахъ, покрытыхъ толстыми бревнами, и кое-гдѣ, изрѣдка, стрѣлялъ изъ ружей.

Выломанные днемъ палисады задрѣзывались въ продолженіе ночи снова; атакуемый полигонъ тоже починивали.

Въ ночь, на 13-е Августа, для вѣрнѣйшаго разрушенія атакуемаго полигона, для одной баатарейной роты сдѣланъ былъ брустверъ, во 150-ти саженьяхъ отъ палисада, а въ ночь на 14-е число сдѣлали еще баатарейю для четырехъ осадныхъ

орудій, во 100 саженьяхъ опѣъ полигона, и до полудня, 15-го числа, почти до основанія разрушили оный. Сдѣлано распоряженіе къ штурму. На всѣхъ баппаряхъ прекраппили пальбу, но всѣ орудія сосредоточили направленіями къ полигону. Къ 4-мъ часамъ вечера все было готово. Данъ сигналъ—колонны двинулись, пошли. По всей изгибистой длинѣ палиссада пробѣжала непріятельская ружейная молнія и грянулъ громъ съ баппарей Русскихъ. . .

Для развлеченія силъ и вниманія Турокъ, было сдѣлано фальшивое движеніе нашихъ колоннъ со всѣхъ сторонъ города; но двѣ грозныя колонны Ширванскаго пѣхотнаго полка, имѣя ружья на правомъ плечѣ, съ веселою Русскою пѣсней: «*Не будите молодѹ, ранымъ рано по утру*» прошивъ сѣверной части города, шли не шутя: имъ приказано было завладѣть апакуемымъ полигономъ. За сими колоннами, неся фашины, шелъ баппаліонъ піонеръ.

Уже Ширванскія колонны поднялись по возвышенію холма на такую высоту прошивъ роковаго полигона, что открыли себя Туркамъ до половины, и уже изъ начатой ими пѣсни начали пѣть: «*Выгоняйте вы скотину на широкую долину*» — какъ вдругъ изъ за палиссадовъ засвиспали пули баппальнаго огня и повалили почти обѣ первыя шеренги колоннъ. Послѣ сего пѣс-

ня перемѣнилась въ *ура!* и роковой башніонъ—нашъ. Но Турки, опіснупивъ за ближайшія строенія, сгуснулись и осыпали пулями вломившіяся колонны; одна изъ колоннъ ринулась впередъ, непріятель опіснупилъ за слѣдующіе дома и, упершись за снѣжною Канолитеской церкви, продолжалъ стрѣлять жестоко. Между нѣмъ піонеры, на крышахъ оставленныхъ Турками домовъ и между оными, на площадкѣ, передъ церковью, поспавили и, съ большими жерпвами, насыпали шуры землю; другіе, изъ срубленнаго палисада сдѣлали черезъ ровъ мосты для легкой артиллеріи. Переправились конно-казацкіе пушки, устроились, открыли картечный огонь по гусной толпѣ Турокъ, собравшихся за церковью; но варвары ни съ мѣста! Новыя колонны пришли на подкрѣпленіе Шарванскимъ, съ 6-ю легкими орудіями и съ 10-ю кугорными морнирами; непріятельскія толпы также безпрестанно увеличивались — и сраженіе кипѣло на одномъ мѣстѣ.

Весь ужасъ, какой только можно было выдумать тогда для ослабленія опичающаго упорства Турокъ, не помогаль. Напрасно бомбы большихъ нашихъ морниръ, летя одна за другою, непрерывно падали посреди города и грѣмѣли своими разрывами; напрасно 24-хъ фунтовыхъ ядра, раздирая воздухъ, свисѣли надъ головами осервелѣлыхъ Турокъ; напрасно Конгревовы ракеты, какъ змѣи шипѣли, летая по всему городу, и

20-шія кугорныхъ морширокъ разсыпали свои гранаты огненнымъ дождемъ.

Турки ни пяди назадъ ! Темно, 9-ть часовъ вечера—борьба упорнѣе : каждый домъ спроеній, идущихъ опѣ насъ амфитеатромъ, былъ укрѣпленіемъ. Опѣ сѣверо-востока набѣжалъ сильный вѣспрь. Графъ приказалъ зажечь занятыя нами дома. Казаки примчались съ вьюками соломы, сѣна, и зажгли дома, ближайшіе къ Каполической церкви ; вѣспрь раздувалъ пожаръ, быстро разливалось пламя пожара ; Турки оробѣли, смѣшались, и весьма упорно спали опспупать къ крѣпости ; но многіе добровольно, запершись въ домахъ своихъ, сгарали съ семействомъ, не переставая спрѣлять до послѣдняго издыханія. Умолкнули громы нашей артиллеріи, рѣже и рѣже становились ружейные выпстрѣлы. Городъ погрузился въ пламенное море !

Около полуночи, когда еще городъ только что разгорѣлся вполонину, видъ съ сѣвернаго возвышенія, гдѣ споялъ Графъ Эриванскій, былъ спольже прелестенъ, какъ ужасенъ. Деревянные опспроконечныя крыши 40-ти высокихъ кирпичныхъ минаретовъ, свѣсплымъ, спихимъ огнемъ теплились какъ огромныя свѣчи, и по мѣрѣ, какъ внутри ихъ деревянные лѣспницы сгарали, обрушивались, по всей спемной высотѣ минаретовъ, изъ маленькихъ, для внутреннего свѣспна, окошечекъ, фонспанами вырывались, шо дымъ, шо искры, шо пламя,

Надъ городомъ плавали черныя и красноватыя облака пожарнаго дыма; обширное зарево ярко освѣщало выпуклости окрестныхъ холмовъ, и между ими, черными полосами, разсѣлило широкія пѣны; изъ за противоположной горы поднялась полная луна и безпрестанно измѣнялась: густыя облака дыма то заслоняли ее, то сквозь рѣдкія видѣлась она тусклою, то вдругъ опять сіяла въ полномъ своемъ величій, и опять скрывалась за густое или рѣдкое облако дыма.

Между пѣмъ спускающагося тысячей ружей производила въ городѣ убійственную панику; вездѣ летали кавалеристы, двигались пѣхотныя колонны, артиллерія, и множество женщинъ Армянокъ, съ дѣтьми и съ узелками, спасаясь отъ пожара и шурма, съ плачевнымъ крикомъ, выбѣгали вонъ изъ города и находили убѣжище на нашихъ французскихъ бастионахъ.

Передъ свѣтомъ все умолкло: остатки храбраго Ахалцихскаго гарнизона, числомъ до 4000 человекъ, съ двумя Панами, запершись въ крѣпости и цитадели, сидѣли намъ смирно—ни одного ружейнаго выстрѣла, ни малѣйшихъ приготовленій къ дальнѣйшей оборонѣ. Съ нашей стороны также утомленные полки опдыхали: по для новаго шурма самой крѣпости. Трескъ пылающаго города и глухой шумъ разрушающихся въ ономъ стѣнъ нарушали тишину окрестностей Ахалциха. Начались переговоры и тотчасъ

кончилися на условіи : Пашамъ оставишь крѣпость , и съ находящимися при нихъ войсками удалиться въ границы Турціи. Паши охотно согласились и вышли.

До 42-ти тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ всякаго рода было употреблено для покоренія Ахалциха !

Съ разрушительнымъ покореніемъ Ахалциха , этого стараго , закоренѣлаго въ злодѣйствахъ разбойническаго гнѣзда , вѣнорога Алжира , дальнѣйшія предпріятія къ завоеваніямъ должны были основываться. Истощеніе артиллерійскихъ парковъ и подвижнаго магазина , наступающій Сентябрь , высокія и уже засыпанныя снѣгомъ горы , окружающія Арзрумъ , необработанныя дороги , осеннее время и значительное уменьшеніе войскъ : все это вмѣстѣ рѣшило Графа Паскевича остановить войну здѣшнюю до будущей весны. Кромѣ сего , надобно было привести въ лучшее оборонительное состояніе всѣ завоеванныя крѣпости и для ихъ гарнизоновъ на всю зиму запастись провіанта , фуража и прочаго.

СУРАМСКІЙ КАРАНТИНЪ, 1828 г. СЕНТЯБРЯ 11.

Давно уже было позволено мнѣ , для поправленія своего здоровья , полуразрушеннаго злою желчною горячкою , ѣхать въ Тифлисъ , къ сѣрнымъ водамъ ; но едва пашкаясь на ногахъ , я боялся вер-

хомъ (а иначе не могъ) сдѣлавъ пупешествіе въ 200 верстъ. Но чрезъ нѣсколько дней, разными аптекарскими средствами, я кое-какъ сколошился небольшими плѣсными силами, и 5-го Сентября, оставя плѣющія развалины Ахалциха, пустился верхомъ на 25-ю верстъ, до крѣпости Ахцверъ. Съ большимъ трудомъ, дѣлая частыя привалы, и уже передъ вечеромъ, дошащился я до этой древней фортеціи.

Ахцверъ построена на правомъ берегу Куры, при началѣ Боржомскаго ущелья, и, какъ обыкновенно бываетъ у разбойниковъ здѣшнихъ, взгромождена на самой верхушкѣ высокой и скалистой отдѣльной горы; стѣны крѣпости каменные, высокія и твердыя, башни поже; вооружена 14-ю пушками.

По скату горы и около ея подошвы, внѣ крѣпости, однакожь подъ вѣрными ея выстрѣлами, плѣсно и безпорядочно расбросано проспанное предмѣстіе. Въ недалекомъ разстояніи отъ крѣпости, вверхъ по Курѣ, видны деревни, и деревни богатая, ни чуть не пошерпѣвшія отъ войскъ нашихъ, прошедшихъ мимо ихъ въ прѣхъ верстахъ.

Еще Ахалцихъ дымился подъ пепломъ своихъ разрушенныхъ зданій и на его развалинахъ еще валялись обгорѣлыя плѣла защитниковъ, но въ ближайшихъ деревняхъ жили преспокойно себѣ

занимались сельскими работами, и ни одинъ изъ проѣзжающихъ сіи (подъ Ахцверомъ) деревни казаковъ не смѣлъ самовласно взять ни пучка соломѣ, ни клочка сѣна, чѣмъ покормить свою усталую лошадь; въ противномъ случаѣ не только Армяне, но и Турки смѣло пропивались, шумѣли и бѣжали съ жалобою къ Комменданту. Такая увѣренность непріятелей нашихъ въ справедливости Русскихъ начальниковъ дѣлаетъ намъ честь и большую пользу въ войнѣ.

На другой день, 6-го Сентября, чуть свѣтъ, выѣхалъ я изъ Ахцвера, и переправясь черезъ Куру въ бродъ, поѣхалъ лѣвымъ берегомъ рѣки, по вновь обдѣливаемой дорогѣ, мимо зажиточныхъ Армянскихъ деревень, заросшихъ фруктовыми деревьями.

Свѣтлое, прохладное утро, непрерывные сады, прелестные берега быстрой Куры и примѣтное возстановленіе моего здоровья, дѣлали мое случайное путешествіе весьма пріятнымъ. Чѣмъ далѣе углублялся я въ ущеліе, тѣмъ становился довольнѣе: ровная, гладкая дорога, зеленѣющая по берегамъ рѣки трава и кустарники зрѣлаго кизила, и густой сосновый лѣсъ, тихо катающійся по крупнымъ оплогоспямъ высокихъ горъ ущелія, наполняли сердце мое какою-то необыкновенною, безкорыстною радостью.

Передъ полуднемъ , опѣхавъ отъ Ахцвера 20 вершъ , я переправился черезъ рѣку на маленькомъ , только-что сколоченномъ плотѣ (большой паромъ шутъ-же дѣлали и уже оканчивали), и опѣхавъ по правому берегу вершъ двѣ , основаніи на небольшомъ лужку , велѣлъ разбиить палатку на самомъ берегу Куры подъ двумя нѣбиспыми липами и приказалъ дѣлать обѣдъ. Лошади мои роскошничали на прекрасной муравѣ и , форкая , съ жадностію щипали сочную траву. Я съ удовольствіемъ смогрѣлъ на этихъ прекрасныхъ и вѣрныхъ соудниковъ военнаго человека , послѣ прешерпѣнныхъ нуждъ и трудовъ , въ полной мѣрѣ вознаграждаемыхъ зелененькимъ лужкомъ и горстью ячменя. Напрошивъ того ихъ *всадники* (бывало говорятъ) , послѣ какого нибудь *сраженіа* , какой нибудь переспрѣлки , съ припворною скромностію , стараются распустиить слухи о своей храброспи , предпріимчивоспи и о неусыпныхъ трудахъ , съ намѣреніемъ *вкрасься* въ предспавленіе къ наградамъ. А въ эпопѣ священный списокъ надобно *прорубать*я сквозь непріятельскія колонны или перелѣзати черезъ спѣны шпурмуемыхъ крѣпоспей. Но эпо *бывало* , теперъ нѣтъ.

За три вершъ отъ моего привала , внизъ по Курѣ , продѣлывалась военная дорога. Шумъ рѣки , частые удары множества топоровъ , прескочня падающихъ въ Куру длинныхъ сосенъ и

пороховые взрывы, уничтожающіе граничные препяписивія: вся эна спуконна вмѣстѣ, пошпо-
ряемая двойнымъ эхомъ, раздавалась по глубо-
кому извиждистому ущелію, какъ жаркая перестрѣл-
ка, смѣшанная съ пропяжными раскатами отда-
ленного грома.

Послѣ прехъ-часоваго отдыха, я продолжалъ
свое пріятное лупешесствіе. Солнце было еще
высоко, но густая пѣнь, падающая опѣ пра-
выхъ высокихъ горъ ущелія, лежала по гладкой
поверхности рѣки черною полосой, упирающею-
ся въ основаніе противоположныхъ горъ, ярко
освѣщаемыхъ сверху закапывающимся солнцемъ:
здѣсь, на правомъ берегу, былъ преждевремен-
ный вечеръ, на пропивной, казалось, раннее
утро.

Совершенное спокойствіе въ воздухѣ, пѣни-
стая прохлада и только что между густымъ
лѣсомъ прорубленная и прекрасно отдѣланная
дорога, пролегающая по невысокому опрубни-
стому берегу Куры, дѣлали вечеръ очарователь-
нымъ. На проспиранспіѣ 42-ши верспіъ я на-
слаждался разнообразными картинами: шупіъ, на
заворопѣ къ обрывистому берегу рѣки, Рус-
скіе солданы придѣлывали перилы; шамъ, въ
скалѣ, для пороховыхъ зарядовъ продаблывались
диры; далѣе курились или пылали огоньки, бѣ-
лѣлись солдапскія палашки, и, предъ ними, въ

Апрѣль 1829.

козлахъ стояли ружья ; вездѣ разносились Русскія веселыя и заунывныя пѣсни ; вездѣ видна быстрая военная дѣятельность и искренняя радость. Но на 12-й верстѣ высокая подоблачная гора , скалистою и непреодолимою своею пятою заступала дальнѣйшее проложеніе дороги : путь скопилось болѣе рабочихъ и усилій. Для переправы на лѣвый берегъ , дѣлали огромный , могущій поднять осадную пушку , паромъ ; но до окончанія онаго надобно было ждать при дня.

На противуположномъ берегѣ , между рѣдкимъ лѣсомъ , зеленѣлась красивая равнина и тянулась часть вновь прокладываемой дороги. Рабочее время оканчивалось , піонеры готовились ужинать ; неперпѣніе поджигало меня ночевать на той сторонѣ Куры ? Чпо дѣлать ! « Ребята ! » сказалъ я піонерамъ : « перевезите мою бричку на тотъ берегъ , я вамъ буду очень благодаренъ. » Извольте—отвѣчали мнѣ услужливые піонеры—и , съ позволенія своего Капитана , тотчасъ сплотили четыре сосновыя бревна и начали перевозить , сперва колеса моей брички , потомъ кузовъ , чемоданъ , деньщиковъ , и наконецъ меня.

Въ слѣдующій день , 7-го Сентября , я продолжалъ путь по лѣвой сторонѣ Куры. Первые 5-ныя версты проѣхалъ я по опдѣланной дорогѣ , но далѣе по необработанной , вьючною тропинкою , подпраясь сквозь чащу лѣса , перетаскивая бри-

тку, каменистыми рытвинами и вязкими промоинами. Наконецъ, въ полдень, преодолевъ трудности, встрѣчавшіяся мнѣ на проспективѣ 20-ти верстъ, добился я до деревяннаго, построеннаго нынѣшнею весною черезъ Куру моста. Редутъ, вооруженный чепырьмя легкими орудіями, караулилъ мостъ и обезпечивалъ переправу черезъ оный. Здѣсь резервы, оспававшіеся въ Грузіи, въ первыхъ числахъ Августа переходили къ Ахалциху.

Отдохнувъ у моста часа при, я продолжалъ ѣхать по лѣвой-же сторонѣ рѣки, ущелія и поже по прекрасной и картинной видами дорогѣ, но обработанной прежде того. Послѣ 40-ти верстъ ущелье кончилось, съ правой стороны высокими горами, упирающимися подошвою въ самый берегъ Куры, а съ лѣвой скалистою горою, съ развалившеюся на ней древнею крѣпостцею. Какъ изъ Средиземнаго Моря Гибралтарскимъ проливомъ въ Атлантическій Океанъ, въѣхалъ я изъ Боржомскаго ущелія на проспективную Сурамскую равнину. Вдали, въ 8-ми верстахъ отъ ущелія, бѣлѣлись строенія Сурамскаго карантина. Солнце закатывалось, наступалъ вечеръ; я приказалъ прибавить шагу и въ 40 часовъ въѣхалъ внутрь карантина и вступилъ въ плохую комнатку. Сегодня четвертые сутки, какъ я, одинъ одиноконецъ, скучаю въ этой безхозяйливенной комнаткѣ и щеголяю къ карантинномъ

плащѣ. Завтра я выѣду: жду съ нетерпѣніемъ утра.

Тифлисъ, 1828 г. Октября 28.

Сентября 12 вырвался я изъ карантинной комнаты, въ 9 часовъ утра, и безъ оглядки пустился въ Гори, сорокъ верстъ.

Гори очень миленькій городокъ, лучше Тифлиса, а климатъ въ немъ самый здоровый изъ всей Грузіи. Мѣстоположеніе карпинное: подлѣ самаго города, въ плоскихъ берегахъ, по каменному дну, пріятно шумитъ и красиво извивается здѣсь тихая и широкая Кура; далѣе, зеленѣютъ луга, поля, рощицы и густые сады укрѣпленныхъ древними опидѣльными башнями деревень, разбросанныхъ по всей пространной окрестности; за ними синѣютъ заросшія сосновымъ лѣсомъ горы; близъ города, надъ рѣкою, тянется

Предлинный деревянный мостъ.
Онъ издали и твердь и простъ,
Въ себѣ самомъ. Какъ созданъ съ роду,
Онъ свойспвъ чудесныхъ не имѣлъ.
Но самъ *Крыловъ*-бы оробѣлъ
Идти по немъ, и поискалъ-бы броду.

18 числа опять проѣхалъ я сорокъ верстъ и ночевалъ на казачьемъ посту *Мухрованъ*.

Спроеніе запусчено ; въ комнаѣ для проѣзжающихъ нѣтъ ни одного въ окнахъ стекла , ходитъ сквозной вѣтеръ и страхъ какъ неоправно.

Наконецъ 19-го числа, передъ вечеромъ, я въѣхалъ въ Тифлисъ и остановился въ аршилерійскомъ домѣ, въ прекрасныхъ комнатахъ.

Надобно полгода безпрерывно прожить на бивакахъ, перемѣняющихся всякой день, поперпѣть нужду, пожариться на здѣшнемъ солнцѣ, посплошнѣ нѣсколько разъ подъ выспрѣлами непріятельскихъ крѣпостей, выдержатъ желчную горячку и опидѣлаться опѣ чумы, чпобѣ въ полной мѣрѣ имѣти понятіе о радостныхъ чувствахъ, наполняющихъ сердце воина, возвратившагося, разумѣется какъ мнѣ случилось, на мирныя квартиры лучшаго въ Грузіи города, гдѣ все, при лишнемъ рублѣ, къ его услугамъ.

Успокоившись отъ дороги, на прерпій день я спалъ принимать здѣшнія сѣсныя теплыя ванны и въ продолженіе мѣсяца совершенно выздоровѣлъ. Спасибо природѣ, но не спасибо кормолюбивымъ содержаніеямъ ваннъ, и спыдъ имъ за неопрышность въ комнапахъ, въ конхъ больные, послѣ ванны, должны опдыхатъ часъ и болѣе.

Октября 4-го, въ домѣ Благороднаго училища, въ обширномъ залѣ, наполненномъ лучшими Евро-

пейскими и Азіятскими шоварами, перенесенными изъ Тифлискихъ караванъ-сараевъ, была олицетворена неперпѣливая мысль Генераль-Губернатора Сипягина, по есть опкрыша ярмарка.

Октября 5-го, въ 11 часовъ сырой и темной ночи, послѣ прочныхъ заслугъ опечеснву, неожиданно, верхомъ вѣхалъ въ Тифлисъ Графъ Эриванскій. И на другой день, нечаянный приѣздъ Графа взволновалъ обыкновенный порядокъ городского ушра: по всѣмъ улицамъ и площадямъ мчались и пылили коляски, дрожки и верховые, къ подъѣзду Графскаго дома. Подъ тяжеснію Грузинскаго дворянства, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, казалось, гнулся и прещалъ длинный и пвердый балконъ Графскихъ палашъ; но хозяина давно уже не было дома.

Грозный покорицель Ахалциха, одинъ, безъ свидѣтелей, въ уединенномъ надгорномъ монастырѣ смиренно приносилъ благодареніе Богу — за побѣды.

Октября 10-го дня скончался въ Тифлисъ Военный Генераль-Губернаторъ Николай Марпьяновичъ Сипягинъ; на четвертый день, въ Синскомъ соборѣ, при спеченіи многочисленнаго народа, Сипягину пропѣли *вѣчную память*: всѣ плакали.

Вчера, 27 Октября (*), Г-да Шнабъ и

(*) Въ этотъ день въ 1827 году, Императоръ

Оберъ-Офицеры Грузинскаго Гренадерскаго полка давали преусердный балъ въ большомъ домѣ Армянскаго Архіепископа Нарсеса. Почти можно сказать (*) :

Отъ лампъ и факеловъ тамъ льется блѣдный свѣтъ
Во тьму пространныхъ переходовъ ;
Столпы огромные , опоры тяжкихъ сводовъ ,
Отъ ослѣпительныхъ искусственныхъ огней
Въ пожарѣ кажутся , несносномъ для очей.

« Къ вечеру Тифлисское общество приглашено было , и проч. (*) ». Собраніе дамъ и кавалеровъ было многочисленное и почти всѣхъ націй. О ловкихъ, милыхъ Польшахъ можно сказать :

Какъ обманувшія надежды ,
Тамъ шумно мимо насъ клубились и неслись
Полупрозрачныя, воздушныя одежды.

О прекрасныхъ Грузинкахъ не лзя эпического сказать : онѣ почти не вставали съ мѣста ; за то

Ихъ груди полныя , какъ волнъ лепечущихъ пѣна ,
И черныи цвѣтъ , какъ цвѣтъ гебена ,
Волось , украсившихъ прелестное чело ,
Во время звучнаго веселья

НИКОЛАЙ I-й благоволилъ назначить Шефомъ Грузинск. Гренад. полка Новорожденнаго сына Своего Великаго Князя КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

(*) Ночь въ Венеціи, Байрона. Маркевичъ.

(*) Смолтр. 18 № 1828 г. Тифлисска. Вѣдомостей.

Невольно увлекали взоръ !

Завтра оставляю Тифлисъ : їду домой въ Эривань. Прощай, Платонъ, прощай, другъ мой ! Весь шибой.

М. С-съ.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ВЗЯТІЕ АРЗЕРУМА.

(Письма изъ Арменіи.)

Да, милый мой Плашонъ, правда пшоя, что въ прошлогодною и нынѣшнюю Турецкую кампанію, славныя побѣды и быстрыя движенія Кавказскаго Корпуса занесли насъ далеко, далеко, можно сказать на край свѣша и, кажешся, на край Азіяшскихъ завоеваній! Я въ Арзерумъ, и со дня покоренія сей славной столицы Анашоліи — имѣю честь бытъ ея высокошѣнной и очень хорошо вооруженной цишаде-ли Комменданшомъ! Вотъ уже шрепій мѣсяцъ, какъ передъ Азіяшскими окошечками моею, внушри раззолоченной, кварширы, на превмысокой сѣверовосшочной башнѣ

Побѣдоносный флагъ Россійскій
Лелѣшъ въшрь Анашолійскій.

Время споишъ прекрасное: не холодно, не жарко; но скоро, по рассказамъ здѣшнихъ жи-

шелей, очень скоро, изъ скалистыхъ ущелій Арменскихъ горъ, огибающихъ Арзерумъ съ южной и восточной споронъ, вырвущся и завоюють въпры буйные, осенніе; пойдуть проливные дожди, начнущся холода, шрескучіе морозы, и завалишъ насъ снѣгомъ какъ въ Архангельскъ!

Прошивъ эшого сѣвернаго, знакомаго намъ непріателя, *вторая* колонна, до 10,000 человекъ, уже назначенная Главнокомандующимъ зимовашъ здѣсь, вооружаешся Русскими печами, шулупами, и на всю длинную зиму запасаетъ провіансомъ, фуражемъ, дровами и, какъ на морѣ, солониною: Арзерумъ на зиму дѣлается Шпицбергенomъ!

Прошивъ другаго непріателя, новаго Арзерумскаго Сераскира, Османъ Казындаръ Оглы, бывшаго предъ симъ Трапезондскимъ Пашею, и прошивъ сущесвующей здѣсь между Турками пословицы (*), которая шакъ много шревожишъ сѣдую голову швоего почтеннѣйшаго Оомы Оомича, дѣлается непреодолимое препятствіе — обрадуй его:

До 800 человекъ Армянъ, состоящихъ изъ каменищиковъ, пильщиковъ, плошниковъ и про-

(*) Карсъ славится твердостію стѣнъ своихъ; Ахалцихъ храбростію жителей, а Арзерумъ красотою женщинъ.

сто рабочихъ, и до 4000 нашихъ солдатъ, вошъ уже другой мѣсяцъ, ежедневно, шрудяшся надъ фортификаціонною каменною стѣною, ошдѣляющею сѣверо-восточный уголъ крѣпости (до 400 домовъ) опъ оставляемаго нами на зиму города и его форшшаповъ. Рабоша кипишъ, и къ 4-му Октябрю, Русская богашырская стѣна, съ 12-ю большими крѣпостными орудіями, явишся къ услугамъ незваныхъ гостей.

Кромѣ сего, небольшая, но прекрасно поставленная цишадель преобразовывается по *нашему*: вмѣсто 18-ти тяжелыхъ, на неуклюжихъ шанкахъ, орудій, будутъ стоять 25 лучшихъ и всѣ на ловкихъ поворотныхъ плашформахъ. Вторымъ (внутреннимъ) и первымъ стѣны Русскаго угла крѣпости, также приводяшся въ лучшее состояніе и сильно вооружающа; всѣхъ орудій будетъ до 60-ти!

Послѣ этого, я увѣренъ что тебѣ не трудно будетъ сладить съ высокопочишашелемъ и сшрасшнымъ чишашелемъ Римской Ишпоріи — съ почтеннѣйшимъ Томою Томичемъ и освободишъ его опъ тяжкія печали, засѣвшей въ его патриотическомъ сердцѣ опъ *сходства* быстраго *четырнадцати*-дневнаго чрезъ *высокія* (какъ Альпійскія) горы движенія и *четырёхъ* побѣдъ Графа Эриванскаго, съ Аннибаломъ. Надѣюсь, что невѣрующій Тома (Томишъ) пе-

решанешъ думатьъ и спорить, что Паскевичъ, дошедши до non plus ultra, остановилъ насъ въ Азіятской Капуъ и что мы здѣсь, подобно Каррагенскому войску, послѣ необыкновенныхъ трудовъ и побѣдъ, пресыщенные военною славою, вдругъ, перешедъ къ совершенному спокойствію, развѣжимся, разбалуемся и для будущей кампаніи упадемъ духомъ — какъ-бы не шакъ! А богашырская снѣна? а люшая зима и очищенная отъ жищелей обоого пола, спарыхъ и малыхъ, часшъ города и превращеніе домовъ въ казармы? Похоже-ли эшо на Испалію и на гибельную свободу войскъ Аннибаловыхъ въ Капуъ? Но оставимъ Оому Оомича съ его Римскою Исторією; пускай онъ ее читашеть и перечищивашеть; не мѣшай ему находить *сходства*, и при сравненіи нашихъ побѣдъ съ военными успѣхами древнихъ героевъ, приклевывашъ къ намъ тѣ-же послѣдствія.

Случалось-ли тебѣ, Пашонъ, когда нибудь, противу своего желанія, медленно и даже съ препящствіями, идши или ѣхашъ къ предмету, овладѣвшему всѣмъ своимъ любопытствомъ? Къ чему шакой вопросъ? А вопъ къ чему?

Еще прошлаго года, со дня покоренія спрашнаго Карса, нѣкоторые, подобные мнѣ предугадывашели, рѣшительно думали и утверждали, что Графъ Эриванскій, послѣ сей важ-

ной побѣдѣ, для нанесенія рѣшительнаго, смертельнаго удара Малой Азіи и всему ея воинству—непремѣнно долженъ идти и пойдетъ отъ Карса къ Арзеруму. Мысль побывать въ столицѣ Анаполи, въ одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Великой Арменіи, пережившемъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ величіе и могущество многихъ славныхъ въ древности народовъ, налагавшихъ на него сильныя и свободныя свои руки, и все еще до сего времени существующемъ и слывущемъ въ Малой Азіи городомъ богатымъ и многочисленнымъ, обильнымъ событіями, развалинами и воспоминаніями: все это, отъразившееся въ моемъ воображеніи и поджигаемое разказами Армянъ, воспламенившихся своимъ возсѣановленіемъ, соединеніемъ, увеличивало мое неперпѣливое любопытство до чрезвычайности; но Графъ Эриванскій повелъ насъ къ Ахалциху, и разгромивъ его, возвратился въ Тифлисъ!

Такимъ образомъ, обманувшись въ моихъ ожиданіяхъ въ прошломъ году, я съ надеждою на нынѣшній выѣхалъ изъ Тифлиса въ Эривань, въ штабъ моей роты, гдѣ въ разнообразныхъ приговорахъ къ предстоящей кампаніи, непримѣнно прошли: Ноябрь, Декабрь 1828-го и Январь Новаго года. Кромѣ сего, въ обществѣ пяти-шести любезныхъ и образованныхъ товарищей, жившихъ тогда въ Эривани, вре-

ня бѣжало весьма пріятно и непримѣтно приближало меня къ моему желанію — побывашъ въ Арзерумѣ. Но вдругъ, въ началѣ Феврала, открывається жестокая чума! . . . Дружескія бѣды разрушились; мѣсто шихаго, пріятнаго время проведенія, заступили страхъ и ужасъ! Съ отвращительнымъ скрипомъ зашворились огромныя желѣзныя ворота крѣпости и всѣ заперлись въ своихъ квартирахъ! Въ первые дни, по 20-ши и болѣе несчастныхъ жертвъ чумы, голыхъ, безъ гробовъ, провозили мимо моихъ оконъ за южныя ворота. Но этого мало: меня сдѣлали Коммендантомъ крѣпости; на мнѣ легла грузная обязанность: уничтоженіе чумы и ошвътшвенность не выпустишь ея за крѣпость, въ обширный и многолюдный форштадтъ! Послѣ сего, я уже не могъ запершись сидѣть дома и думать лишь о себѣ.

Для соблюденія строжайшихъ мѣръ противъ заразы, я долженъ былъ съ утра до вечера ходить по казармамъ, по госпитальнымъ палатамъ, изъ коихъ въ одной до 60-ши человекъ лежало зараженныхъ чумою! До четырехъ тысячъ разнаго званія людей, живущихъ въ самой крѣпости, до 300 больныхъ и по необходимости шѣсное размѣщеніе, при всѣхъ предосторожностяхъ, казалось, благопріятствовало заразѣ. Но строжайшія, благоразумныя мѣры, взятыя опытнымъ и неутомимымъ Докторомъ

Шуллеромъ, прибывшимъ на эпошъ разъ въ Эривань, останавили и уничтожили дѣйствіе чумы въ два мѣсяца! Честъ и хвала Шуллеру: Эриванскій гарнизонъ обязанъ ему спасеніемъ. Шуллеръ былъ давно уже извѣстенъ твердымъ познаніемъ Медицины и всегда неушомимою своею дѣятельностію; особенно онъ былъ весьма опытенъ въ распознаваніи чумы, замаскировывающейсѣ разными видами обыкновенныхъ болѣзней. Но Шуллера нѣтъ! За южными ворошами, на крушомъ, каменистомъ берегѣ Занги, въ чумномъ опдѣденіи могильныхъ бугровъ, и онъ зарытъ — безъ гроба! Изъ всего Эриванскаго гарнизона Шуллеръ былъ послѣднею жершвою чумы.

Въ исходѣ Марша мѣсяца ошкупорились крѣпостныя вороша Эривани; ошворились двери казармъ, домовъ и домиковъ; показала сѣ весна, и по берегамъ быспрой, всегда кипящей Занги зазеленѣлись луга, кустарники; распустился садъ бывшаго Сардаря Эриванскаго, расцвѣли фрукшомыя деревья и радостныя лучи весенняго солнышка, рѣзвѣсь по снѣжнымъ хребтамъ окружныхъ горъ, наводили улыбку и на вѣчно снѣжное и угрюмое чело Арараша. Къ этому удовольствію, новая радость.

Апрѣля 1-го, съ двумя орудіями моеѣ роты, я ошавилъ оживающую Эривань, вышпустилъ

въ походъ, и на другой день, передъ полуднемъ соединился съ оспальными шесстью орудіями, шолько чпо пришедшими изъ за-Арарашскаго, еще засыпаннаго снѣгомъ хребша и оспановившимися на прелесшно зеленѣющихъ берегахъ шихой рѣчки Карасу, въ 15-ши верспахъ отъ крѣпости Сардаръ-Абада.

Послѣ тѣсной, могильной Эриванской жизни, вдругъ, черезъ однѣ сушки, очупишься на просторѣ и на зеленѣющихъ лугахъ, развершиваемыхъ весеннимъ солнышкомъ и, подъ яснымъ чистымъ небомъ, живѣ въ палаткѣ, дышащъ ароматическимъ воздухомъ — эша шакая радость, такое благо, какого ты еще, Пашонъ, неѣспыпалъ и не можешь себѣ вообразишь.

Апрѣля 5-го оспрядъ Генераль-Маіора Пана крашьева, къ копорому принадлежала и моя роша, выступилъ въ походъ по Гумрской дорогѣ. Когда мы поднялись въ горы, погода перемѣнилась: задулъ сильный и холодный вѣтръ; по ушрамъ шелъ снѣгъ, послѣ полудня лилъ дождь. 7-го Апрѣля мы дошанулись до лѣвыхъ гористыхъ береговъ Арпачая и въ 2-хъ верспахъ отъ селенія Кашеванги расположились лагеремъ. Здѣсь, для крашчайшаго и всегда вѣрнаго сообщенія Армянской области съ Карскимъ Пашалыкомъ, начинали дѣлать деревянный мостъ, на шомъ-же мѣстѣ, гдѣ вѣкогда, въ цвѣтущее

время Арменіи, споялъ швердый и красивый каменный мостъ ; время обрушило арку, но береговые упоры уцѣлѣли для основанія Русскаго моста.

Отъ безпресанныхъ проливныхъ дождей вода прибывала весьма скоро и шеченіе рѣки было немовѣрно быстрое. Для перевоза насъ на шу сторону былъ, на скорую руку, сколоченъ небольшой паромъ. Переправа была медленная, препрудная и опасная: 3 пѣхотные баталіоны и 8 легкихъ орудій перевозились двое сушокъ; дождь лился рѣкою, люди промокали до костей, измучились до полусмерти — но все кончилось благополучно.

Съ правыхъ гористыхъ береговъ Арпачая, въ 42-ши версахъ отъ нашего лагеря, я видѣлъ развалины славной столицы Арменіи, города Ани. Въ двухъ версахъ отъ лагеря, по дорогѣ къ Ани спояли шріумфальныя вороша; кѣмъ, когда и по какому случаю они построены, Богъ знаетъ.

11-го Апрѣля, лагерь нашъ, отъ селенія Кашеванги перенесенъ былъ въ уголъ соединенія рѣкъ Карса и Арпачая. Здѣсь опрядъ нашъ, прикрывая Гумры, пробылъ до 9-го Мая. Во все это время погода спояла пренесносная!

Мая 9-го пошли мы къ Карсу, гдѣ пробывъ до 21-го числа, опять пошинулись къ Ардага-

ну и 25-го возвратились къ Карсу, на прежнее лагерное мѣсто, при селеніи *Караджи*.

Наконецъ, Іюня 4-го, по Арзерумской дорогѣ, пришли мы къ селенію *Копанли*, и надъ крупными, красивыми берегами *Карсъ-Чая* расположились лагеремъ. Время установилось прекрасное. Въ 20-ши верстахъ передъ нами омывалось первое и важное препятствіе къ покоренію Арзерума — высокій хребешъ *Саганлугскихъ горъ*. Къ 10-му числу спянулся сюда весь Корпусъ и съ неперпѣніемъ ожидалъ вождя своего.

Іюня 10-го, въ 5 часовъ вечера, громкое ура, раздавшееся по лагерю, возвысило радостное прибытіе Главнокомандующаго. Графъ Эриванскій, объѣзжая линіи Корпуса, останавливался передъ каждымъ полкомъ, здоровался съ офицерами, солдатами и поздравлялъ съ походомъ.

13-го числа, въ 6 часовъ по полудни, Корпусъ выступилъ къ высокому, заросшему густымъ сосновымъ лѣсомъ и еще во многихъ мѣстахъ покрытому снѣгомъ, *Саганлугскому хребту*, за коимъ, на обыкновенной хорошей армянской дорогѣ, сообщавшей Карсъ съ Арзерумомъ, стоялъ 20-ши тысячный непріятельскій Корпусъ въ укрѣпленномъ лагерѣ. По сему единственному мѣжду Карсомъ и Арзерумомъ со-

общенію лѣвый флангъ нашего Корпуса, подъ командою Ген. Маіора Бурцова, еще засвѣшло былъ посланъ Главнокомандующимъ, съ намѣреніемъ дать себя замѣнить непріятелю, спорожившему насъ съ горъ.

Правый флангъ Корпуса, выступившій предъ сумерками, пошелъ правѣе, по въязыной, весьма трудной дорогѣ, и въ полночь, въ 8-ми верстахъ отъ подошвы горъ, сдѣлавъ большой привалъ и опять продолжалъ идти впередъ.

Лѣвый нашъ флангъ, также передъ полуночью, не доходя подошвы горъ, остановился и, разложивъ большіе огни, ждалъ утра.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго, 14-го дня, Генералъ-Маіоръ Бурцовъ завязалъ дѣло съ Турками, вышедшими противъ него изъ укрѣпленнаго за горами лагеря, и *тянулъ оное* до полудня. Между тѣмъ правый флангъ, безъ малѣйшаго со стороны непріятеля препятствія, перешелъ чрезъ Саганлугскій хребетъ горъ и въ 8-ми верстахъ отъ лѣваго фланга укрѣпленнаго Турецкаго лагеря расположился на бивакахъ.

На другой день, 15-го Іюня, по полудни въ 3 часа, Главнокомандующій, желая осмотрѣть непріятельскій лагерь, и взявъ съ собою два пѣхотные полка, двѣ легкія артиллерійскія рошмы и нѣсколько казаковъ, поднялся на верхъ

высокой горы, раздѣлившей насъ съ Турнами. Непріятельскій лагерь былъ отъ насъ не болѣе какъ въ 4-хъ верстахъ, и видѣнъ какъ на ладони.

Множество разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ палашокъ, какъ бурю раскиданныхъ по необширной, однакожъ прекрасной долины, окруженной лѣсистыми горами, составляли красивый, но безполковный лагерь Турковъ. Посреди сего спана, на невысокомъ холмѣ, стояла большая, круглая, зеленая палашка самого Гагки-Пашы; всѣ выгодныя вокругъ лагеря возвышенія были укрѣплены полевыми орудіями.

При появленіи Графа Эриванскаго на вершинѣ горы, опдѣлявшейся отъ лѣваго непріятельскаго фланга двумя преглубокими оврагами и частымъ лѣсомъ, Турки высыпали изъ своихъ палашокъ, посѣбно спали собираясь, сперва въ небольшія кучи, и вскорѣ, составивъ толпы, разошлись по мѣстамъ *боевого порядка*: двѣ толпы заняли лѣсъ, лучшіе наѣзники прискакали на вершину горы прошивъ Графа, и, разѣзжая, спрѣляли изъ пистолетовъ. Около Пашинской палашки, неподвижно; стояла нарядная толпа Турковъ; надобно полагать, что это были важные чиновники съ ихъ прислугой. По захожденіи солнца, Главнокомандующій возвратился въ свой лагерь.

Въ ожиданіи; пока оставленный за Карсъ-Чаемъ вагенбургъ нашъ сплыветъ за Саганлуг-

скій хребетъ, на мѣсто, занятое Корпусомъ, Главнокомандующій, и на другой и на третій день, 16 и 17-го Іюня, всегда въ одно время, въ 3 часа по полудни; ѣздилъ на тѣ-же окружающія лѣвый флангъ высоты, съ пламеннымъ желаніемъ *выискать* средство перейти горы и атаковать Папу. Близкое, въ 4 верстахъ, разстояніе до непріятельскаго лагеря, и вѣрный успѣхъ въ побѣдѣ, воспламеняли предприимчивость Графа Эриванскаго, тѣмъ болѣе, что съ этой стороны ашака часть еще часу дѣлалась необходимѣе, ибо Сераскиръ, по слухамъ, съ 30-шмечнымъ Корпусомъ выступилъ изъ Арзерума и спѣшилъ соединиться съ Гагки-Пашею. Для ашаки-же сего послѣдняго съ шлы надобно было въ однѣ сутки перейти до 50-ти верстъ, не отдохавъ, атаковать и непремѣнно разбить Гагки-Папу: иначе Паскевичъ могъ бы себя поспавить между двумя сильными огнями! И такъ,

Увѣрившись въ невозможности атаковать Папу съ лѣваго фланга, и видя необходимость разбить оба непріятельскіе Корпуса до ихъ соединенія, Графъ приказалъ исполнить слѣдующее 1

Іюня 18-го; въ 4 часа по полудни, Корпусъ долженъ выступить впередъ по Арзерумской дорогѣ; *вторая*-же колонна, Генералъ-Маіора Панкрашьева, для прикрытія сего движенія со стороны Гагки-Паши; должна идти опяшь на

прежнее возвышеніе и, въ боевомъ порядкѣ, стоявъ шамъ до шемнаго вечера, а послѣ соединившись съ Корпусомъ. Такъ и было.

Вторая колонна, въ 3 часа по полудни пошинулась на высоты, прикрывавшія отъ насъ лѣвый флангъ непріятельскаго лагеря, гдѣ, какъ и до сего въ продолженіе шрехъ дней было, выпроилась въ боевой порядокъ.

Турки, видя сіе уже въ четвертый разъ, появленіе Рускихъ считали обыкновеннымъ, наблюдашетьнымъ движеніемъ, и пошому были совершенно спокойны — любовались нами.

Закашилось солнце, и по всему фроншу 2-й колонны запылали огни, что для непріятеля было новостью; Гагки-Паша обратился на сіе все свое вниманіе и *взялъ около своего лагеря* спругую ошторожность. Между шѣмъ уже Корпусъ нашъ давно выступилъ и шинулся по Арзерумской дорогѣ. Смерклось; вторая колонна, оставя по всей линіи огни, спала спускалась съ горъ и, перешедши около двухъ верстъ большимъ снѣгомъ, вышинулась по шопкому ущелью по шропинкѣ, ведущей на Арзерумскую дорожку. Войска шли впередъ съ большою шрудноштію: множештво горныхъ ручейковъ, отъ расшайающаго снѣга, скопившихъ въ ущельѣ, составили небольшую рѣчку и размягчали грунтъ земли до шого, что и пушки и ихъ зарядные ящики, особенно послѣдующихъ орудій, увязали по са-

мня сшупицы колесъ; надобно было выпрягать лошадей и съ большою шрудностію выпаскивать на людяхъ!

Въ 2 часа ночи, прошедши не болѣе 6 верстъ, и переломавъ много осей, оглобель и прочаго, наконецъ мы вышли изъ ущелія и, ушомленные до чрезвычайности, ошановились на равнинѣ, въ 5-ши верстахъ ошъ ночлега Корпуса. На другое утро, 19-го, догнавъ Корпусъ, мы сошсавили его арріергардъ.

Послѣ вчерашняго ночнаго, по шопкому, ломкому пуши, ушомишельнаго перехода, хорошо было намъ, шихимъ, яснымъ ушромъ, идши по дорогѣ, хоши и каменншой, однакожъ ровной и сухой, но не весело: мы шли въ арріергардъ!

Въ полдень мы дошянулись до спуска, извивающагося на шреугольно-длинную равнину, оканчивавшуюся ошъ насъ верстахъ въ 5-ши глубокимъ оврагомъ. При самомъ спускѣ на равнину уштраивался нашъ обширный вагенбургъ; посреди сего огромнаго, но неизбѣжнаго корпуснаго шормаза, примѣшилъ я хлѣбосольную палашку добраго пріятеля моего Ильи!... Роша, спѣсненная пѣхошою втѣ узкомъ и скалишпомъ спускѣ, подвигалась впередъ медленно. Я завернулъ къ Ильѣ; онъ собирався обѣдать; я былъ голодень. Горячій супъ, жирная вештина, зеленый горохъ, Донское! — Какое счастье!... Но вдругъ услышали мы ружейные выстрѣлы!...

грянула пушка — другая — сраженіе! — Я выскочилъ изъ палатки, бросился на коня и помчался догонять ропу. На вшорой верстѣ я догналъ ее, съ громомъ кашающую по скашу горы, устѣянному каменьями; между Егерьскою бригадою, назначенною въ подкрѣпленіе колонны Ген. Маіора Муравьева. Идемъ впередъ; пальба спановишся сильнѣе и сильнѣе; дорога хуже, каменистѣе: прещашъ и ломающся оси! Непріятельская кавалерія несешся обогнуть наши фланги, особенно правый — ее встрѣчаютъ изъ 20-ши орудій ядрами и едва оспанавливающъ каршечами! Лѣвый нашъ флангъ шакже былъ смѣло ашакованъ Турками, но ихъ еще смѣлѣе оспановили и оподвинули назадъ. Двѣ непріятельскія колонны, скрывавшіяся до сего въ оврагѣ, съ двумя орудіями высыпали по скашу горы, выше нашего лѣваго фланга, и поспѣшно огибая оный, намѣревались ударить въ шылъ колонны Г. Маіора Бурцова; но видя, что въ подкрѣпленіе сей колонны идушъ шри баталіона пѣхошы, часшъ регулярной кавалеріи и до 10-ши орудій, и кромѣ сего два казачьи полка, посланные Г. Маіоромъ Панкрашьевымъ изъ вагенбурга, Турки смѣшались, опспушили, но не ушли: ихъ опрокинули и преслѣдуя опняли одну пушку. Къ 4-мъ часамъ вечера шреугольнo-длинная равнина совершенно была очищена опъ непріятеля; но шопчасъ послѣ эшого мы

были удивлены новою непріятельскою башарею, открывшею прошилъ нашего центра огонь съ высоты, за оврагомъ, и Турецкая пѣхота и кавалерія, казалось, успроивались по скаму горы!—«*Это Сераскиръ, Сераскиръ!*» заговорили въ нашихъ ошдыхающихъ колоннахъ: «*Онъ пришелъ на помощь Гагки-Пашѣ!*» Главнокомандующій сдѣлалъ новое распоряженіе къ атакѣ: наша вторая колонна, Генерала Панкрашьева, живо спустилась въ глубокій оврагъ, перешагнула небольшую текущую тамъ рѣчку и стала подниматься все въ гору, на правый флангъ непріятельскій. Первая колонна Генерала Муравьева пошла правѣ насъ, по скаму горы, имѣя направленіе обойдши лѣвый флангъ Турковъ. Между сими колоннами шла вся наша регулярная и нерегулярная кавалерія. Сераскиръ, увидѣвъ что мы обходимъ его фланги, оробѣлъ, приказалъ спрѣлать изъ всѣхъ своихъ пушекъ и между шѣмъ пихо отступать. Наша кавалерія не упустила случая заставитъ его прибавитъ шагъ. Отступление Турковъ стало приходитъ въ безпорядокъ и вскорѣ превратилось въ бѣгство. Это было уже въ 7 часовъ вечера; преслѣдованіе продолжалось часовъ до 10-ти; Сераскиръ потерялъ 11 пушекъ.

Уже было темно, 9 часовъ вечера, когда наша пѣхота, спустившись съ горъ на небольшую лощину, ошпановилась биваками на до-

рогъ, идущей отъ лагеря Тагки-Паши въ Арзерумъ. — Графъ съ кавалерією возвратился къ намъ около полуночи.

Въ продолженіе этого дня войска наши были упомянуты до чрезвычайности; ночлеги нашъ былъ холоденъ, пѣсенъ, устѣнъ каменьями — и ни у кого ни палатки, ни повозочки. Солдаты, завернувшись въ шинели, предались глубокому сну; лошади, не имѣя корму, ржали во всю ночь.

У меня, какъ у опытнаго, приноровившагося къ походнымъ нуждамъ артиллериста, лежали, на запасномъ лафетѣ, и солдатская палаточка, и чайскъ, и водочка, и двѣ изломанныя оси. Во ожиданіи чая, я сидѣлъ передъ огонькомъ и, вычисливъ день прихода нашего къ Арзеруму, рисовалъ въ воображеніи своемъ огромность города, его красивое мѣстоположеніе, окрестности, Эвфратъ. . . — Вдругъ слышу голосъ Главнокомандующаго: « *Чья это палатка?* » — *Моя, Ваше Сіятельство!* отвѣчалъ я Графу. — Не угоднели вамъ заняты ея? — « *А вы какъ-же будете?* » — У меня есть другая. — « *Хорошо, спасибо!* » сказалъ мнѣ Графъ, и сошедши съ лошади, вошелъ въ мою солдатскую палатку, сѣлъ на разоспанный на землѣ коверъ и, сдѣлавъ коротенькое распоряженіе на завтрашній день, легъ, завернулся въ шинель и казалось заснулъ.

Два — и вдвое выше палашки — карабинера Эриванскаго полка спали на часы, у входа палашки, и караулили покой Эриванскаго. Другіе, при офицерѣ, 20 человекъ карабинеровъ расположились вокругъ моего огня, вынули шрубки и, съ большимъ перепѣніемъ раскуривъ ихъ головешками, принялись, шопотомъ, разсуждать объ участи ихъ аршельныхъ кошловъ и опшавшаго въ горахъ обоза. Въ часъ послѣ полуночи, Главнокомандующій вышелъ изъ палашки и спалъ у пошухающаго огня. Я подошелъ къ нему. «*А, здравствуйте! Что вы не спите?* — Пошомъ взглянувъ на воспокъ, сказалъ: «*Кажется, скоро начнетъ разсвѣтать?* — Я молчалъ; до восхожденія солнца оставалось еще часа чепыре, а Графу хотѣлось чтобъ оно сей часъ выпрыгнуло изъ за горъ: лагерь Гагки-Паши не выходилъ изъ головы Графа. — «*Нѣтъ-ли у васъ чаю?*» спросилъ меня Графъ. — Естъ. — *Дайте мнѣ, да велите разложить огня: я озябъ.*» Черезъ часъ Главнокомандующій опять вошелъ въ палашку, легъ, и уже вышелъ изъ оной на разсвѣтъ. — Всѣ поднялись, зашевелились и черезъ полчаса все пронудось: войска пошли въ шылъ непріятельскаго лагеря.

Генераль-Маіору Бурцову, остававшемуся съ своей колонной на шреугольно-длинной равнинѣ, противу войскъ Гагки-Паши, еще вчера вечеромъ было послано приказаніе отъ Графа, что-

бы онъ, сего дня, 20-го числа, чуть свѣшъ осшавиль свой постъ и слѣдовалъ бы за Корпусомъ.

Въ 9 часовъ ушра, войска наши поднялись на верхъ горы и въ пылу ошъ Турецкаго укрѣпленнаго лагеря, въ 2 верстахъ, занявъ превьгодную позицію, остановились въ боевомъ порядкѣ и ждали опряда Генерала Бурцова.

Главнокомандующій, увидѣвъ непріятельскій лагерь на прежнемъ мѣстѣ и приготавливающимся къ защитѣ, былъ весьма радъ.

Съ двухъ батарей, въ 6 орудій, устроенныхъ Турками на высотѣ, прошивъ нашей позиціи, былъ открытъ сильный огонь; но ядра ихъ ложились передъ нами безвредно. Другая батарея, позади и лѣвѣ сихъ, противъ нашего праваго фланга, также приударила было изъ 3-хъ орудій, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ перестала: ядра падали отъ насъ въ полуверстѣ!

Такимъ образомъ прошло болѣе часу — Бурцова не было — мы спояли неподвижно; Турки успали спрѣлять, и предполагая въ нашемъ бездѣйствіи какую-либо пагубную для нихъ хитрость, спали приходить въ смяшеніе, спрахъ, и понемногу, осшавляя лагерь, поднимаются на укрѣпленную, на правомъ ихъ флангѣ, гору: нѣкошорые пошянулись за сію укрѣпленную гору.

Главнокомандующій, примѣшивъ робость Турковъ, шопчасъ приказалъ, не ожидая уже Бурцова, съ барабаннымъ боемъ двинуться впередъ: самъ онъ повелъ первую колонну прямо на непріятельскій лагерь; нашей, второй колоннѣ, приказалъ идти на башарей, успроенныя Турками на возвышеніи, прошивъ занимаемой нами позиціи; остальныя при колонны пошли въ право, для пересѣченія дорогъ, идущихъ къ Араксу.

По приближеніи второй колонны къ башареймъ, Турки, и до сего еще грознаго движенія оробѣвшіе, хотѣли было остано­вить насъ ядрами, но послѣ двухъ нескладныхъ залповъ, увидѣвъ что пѣхоша наша прибавила шагу, артиллерія пошла рысью, бросили свои башарей, пушки, и кинулись къ своему лагерю, гдѣ уже *первая* колонна, завладѣвъ орудіями, сползшими передъ палаткою Гагки-Паши, преслѣдовала бѣжавшихъ, за укрѣпленную гору, Турковъ.

Не останавливаясь на брошенныхъ Турками башарейхъ, *вторая* колонна поспѣшно спала сходишь на равнину, по скалистому и весьма крупному спуску горы; артиллерія, привыкшая ходишь безъ дорогъ, шо же смѣло спускалась гдѣ попало.

Сошедши на равнину и оставивъ два изломавшіеся зарядные ящика, я долженъ былъ идти на рыскахъ, чшобъ догнать егерей, бѣжавшихъ на правый непріятельскій флангъ лагеря, оставляемый

ими съ безполковымъ сопротивленіемъ. Егеря, преслѣдуя Турковъ по пятамъ, были опъ меня въ полуверстѣ; лошади мои едва шянули. Наконецъ я догналъ ихъ уже въ лѣсу, можно сказать, завязшихъ на узкой и застановленной непріятельскою артиллеріею и обозами дорогъ. Не было возможности идти далѣе: приказали остановиться. Жаръ былъ нестерпимый, усталость людей неимоверная; лѣсокъ оживилъ насъ своею благошворною шѣнью; я чую дышалъ опъ усталости и жару; но солдаты — удивительное дѣло! — увидѣвъ, что нѣкоторые изъ ихъ передовыхъ товарищей поживились изъ разбросаннаго Турками обоза бѣлыми сухарями и мукою, бѣгали къ арбамъ, набирали шого и другаго какъ можно болѣе, и лазали по оврагамъ горъ для омыскиванія воды, чшобъ размочить и попробовать вкусъ Турецкаго сухаря.

Въ часъ по полудни вторая колонна расположилась биваками на мѣстѣ уничтоженнаго непріятельскаго лагеря: остальныя части войскъ нашихъ преслѣдовали Турковъ, по разнымъ направленіямъ, до поздняго вечера.

Ты уже знаешь, что Гагки-Паша, со всѣмъ его наряднымъ причешомъ, въ этотъ день былъ взятъ въ плѣнъ и предшавленъ предъ Графа Эриванскаго. Говорятъ, что Паша никакъ не хотѣлъ опдаться сабли своей взявшему его

Подполковнику Верзилину. «Я самъ лично отдамъ саблю мою вашему Главнокомандующему!» говорилъ Паша. И точно, будучи представленъ передъ Графа Эриванскаго, онъ, отдавая мечъ свой, сказалъ: «Генералъ! эту саблю отдаешь вамъ Паша, какого вы еще никогда не имѣли у себя въ плѣну.» — На слѣдующее утро я ходилъ взглянуть на Гагки-Пашу. Окруженный своими, Паша сидѣлъ внутри палатки, передъ входомъ въ оную, и съ привычною важностію курилъ шабакъ; но мрачность лица его, и глубокое, горестное безмолвіе его свисты, сильно выражали сраданіе расшерзаннаго самолюбія.

Гагки-Паша, славящійся между Турками своими воинскими достоинствами, погдашняя надежда Сераскира и многочисленныхъ жителей Арзерума, былъ, какъ непреодолимый оплотъ, поставленъ на Саганлугскомъ хребтѣ противу Рускихъ; но жестоко обмануемый переправою нашихъ войскъ и наконецъ разбитый, въ плѣну, могъ-ли онъ спокойно сидѣть и курить шабакъ?

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ занимаемой Пашею палатки, на прежнемъ мѣстѣ, стояла его собственная, обширная зеленая палатка; но она уже служила пріемною Графу Эриванскому; предъ входомъ въ оную, стоялъ маленькій домикъ Графа.

Въ 9 часовъ утра, 21-го, дородный Гагки-Паша, окруженный своею свитою, шагомъ ѣхалъ на Русскихъ дрожкахъ въ Карсъ. Въ это время роша моя, спороною, по камнямъ, не разбирая рышвинъ, съ громомъ ошъ колесъ, обгоняла Пашу. Онддохнувшія лошади, сильно упираясь, форкали и бодрились какъ на парадѣ; артиллеристы пѣли пѣсни. Гагки-Паша съ удивленіемъ смотрѣлъ на красивыхъ и добрыхъ лошадей и на легкость кашащейся артиллеріи. Егерская бригада поспѣшала въ Хоросанъ.

Въ 5 часовъ вечера мы дошли до замка Миджингершъ, гдѣ и ночевали.

22-го числа, сдѣлавъ около 40 верстъ, въ 4 часа вечера бригада пришла въ селеніе Хоросанъ и расположилась лагеремъ на прекрасной равнинѣ, въ одной верстѣ ошъ Аракса; здѣсь найдено много пороху, артиллерійскихъ снарядовъ и разнаго хлѣба, брошеннаго Турками.

Передъ полуднемъ, отошедши ошъ селенія Хоросанъ верстъ 20, на привалѣ, мы сошлись съ главнѣйшими силами Корпуса. Съ высокихъ безплодныхъ горъ, на обширную плодоносную равнину, орошаемую узорчато-извивающимся Араксомъ, доспѣшно спускался вагенбургъ. Въ два часа по полудни колонны двинулись впередъ; въ 5 часовъ вечера, проходя по лѣвому берегу Аракса, я съ удивленіемъ смотрѣлъ на огромной величины мостъ *Кепри-Кевъ*, и проѣхавъ

по его испортившейся поверхности, невольно вспомнилъ о Дрезденскомъ мостѣ: шопъ щеголеватѣе, эпшопъ огромнѣе. Далѣе, въ 2-хъ версахъ, бѣлились палашки главной кварпіры, куда мы вскорѣ пришли и остановились лагеремъ; но уже Главнокомандующаго не заспали: онъ, получивъ извѣстіе, что Турки оставляющъ крѣпость Гассанъ-Кале, лежавшую опъ насъ по дорогѣ къ Арзеруму въ 20-ши версахъ, и что всё возможное они забирающъ съ собою, тотчасъ опашъ сѣлъ на коня и съ авангардомъ поспѣшилъ шуда.

Въ 9 часовъ утра, 24 Іюня, Корпусъ со всѣми его тяжестями шянулся къ Гассанъ-Кале, и подъ его высокими, зубчатыми, двойными стѣнами расположился лагерь. Здѣсь найдено 30 орудій и много артиллерійскихъ и провіантскихъ запасовъ. Говорящъ, что крѣпость сія построена еще въ славныя времена Римлянъ.

Крѣпость Гассанъ-Кале чрезвычайно какъ ловко поставлена, для защиты Арзерума съ восточной стороны.

Цѣпь горъ, до сего извивающаяся въ параллель лѣваго берега Аракса, вдругъ у Гассанъ-Кале поворачивается на сѣверо-западъ и образуетъ уголь, съ выдавшимся предъ онимъ скалистымъ холмомъ; на плоской поверхности сего холма построена цитадель, а къ западу, по оплогосшимъ холма и горъ, составляющимъ какъ бы

входящій уголъ гласиса, шлануся крѣпостными зубчатыми стѣнами, вмѣщающія въ себѣ городъ. Предмѣстія амѣнѣапромъ стелюся по скашамъ горъ и наконецъ, выше, въ полугоръ, нѣсколько красивыхъ, ошдѣльно стоящихъ загородныхъ домиковъ, ошвіаемыхъ спройными пополями, засшавляющъ посмошрѣвъ на себя съ удовольствіемъ и заманивають побывашъ тамъ; но необходимость отдохновенія была для меня сильнѣе привлекашельной красоты домиковъ: я даже не былъ ни въ крѣпости, ни въ цитадели.

Іюня 25-го былъ парадъ. Грозные полки Кавказскаго Корпуса, въ день рожденія Царя своего, съ умиленіемъ молились о Его здравіи, и съ благоговѣйнымъ колѣнопреклоненіемъ благодарили Бога за победы.

Всѣ думали, что въ эшотъ день будетъ распахъ: солдаты послѣ обѣда опдыхали, а передъ вечеромъ принялись было за пѣсни. У Главнокомандующаго былъ обѣденный шолъ и гремѣла музыка.

Вдругъ войскамъ приказано бытъ, къ 4-мъ часамъ, гошовымъ къ выступленію, и въ 5 часовъ вечера Корпусъ пошелъ впередъ. Всѣмъ обозамъ, до послѣдней повозочки, велѣно ошашъся, и подъ стѣнами крѣпости присоединишъся къ вагенбургу.

Причиною сего неожиданнаго похода было извѣстіе, что Арзерумъ сдаешся безъ сопрош-

вленія: и Главнокомандующій поспѣшилъ, чтобы заспѣлъ жишелей Арзерума въ шакомъ добромъ расположеніи.

Въ 44 часовъ ночи, не доходя до Арзерума 15-ми верстъ, войска остановились.

Утромъ слѣдующаго, 26-го дня, явились къ Графу два децупаша: одинъ изъ нихъ опъ народа привезъ и показалъ письменное согласіе о покорности жишелей; другой, опъ самого Сера-скира, *разсказывалъ*, что крѣпость не буждешъ сопротивляшьяся, но что появленіе нашихъ войскъ предъ Арзерумомъ можетъ взволновать народъ, и безъ того уже подстрекаемый буйными людьми къ сопротивленію. . . . — Графъ Эриванскій приказалъ бить сборъ; Корпусъ двинулся впередъ: это было въ 8 часовъ. Утро было тихое, ясное, дорога ровная, посольство изъ Арзерума не предвѣщало кровопролитія; все соотвѣтствовало нашимъ мирнымъ ожиданіямъ; всѣ были веселы, какъ будто-бы шли въ гости. Но вошедши въ ущелье, ведущее на хребты горъ, съ которыхъ, говорили намъ, откроется славный Арзерумъ, мы были встрѣчены сильнымъ удушающимъ вѣтромъ, который по мѣрѣ нашего приближенія къ городу, становился сильнѣе, сильнѣе и засыпалъ насъ пылью. Чистое до того небо задернулось снѣговыми облаками; безпрестанно усиливавшійся вѣтръ сдѣлался сырой; холодный.

Наконецъ мы, покрытые пылью, прозябнувшіе отъ холода, поднялись на горы, спустились на Арзерумскую равнину, и въ 5-ші верстахъ отъ города остановились биваками; но Арзерума еще не видали. Я поскакалъ на невысокій холмъ, съ надеждою увидѣть городъ, но напрасно: укрѣпленная Турками гора Топъ-дахъ заслоняла его и грозила приближавшимся къ нему. На каменистой вершинѣ холма, гдѣ дулъ сильный и холодный вѣтръ, я примѣшилъ Графа Эриванскаго: въ теплой шинели, облокотясь на камень лѣвымъ локтемъ, одинъ, задумчивый, лежалъ онъ противъ вѣтра и противъ бапарей, построенныхъ Турками на вершинѣ Топъ-даха, для встрѣчи Рускихъ.

За длиннымъ и оплогимъ скапомъ горы Топъ-дахъ, протягивающимся отъ южной, оплублистой стороны оной, до подошвы сѣверной стороны Арменскихъ горъ, на пространствѣ двухъ верстъ, стояла наша Егерская бригада, и между ею моя легкая рота; предъ нами лежалъ глубокій оврагъ. Еще строящіеся егери не успѣли выслать за оврагъ стрѣлковъ, какъ вдругъ нѣсколько лихихъ Турецкихъ наѣздниковъ, прискакавшихъ изъ Арзерума, явились передъ нами на покатошми холма, и, смѣло развѣзжая взадъ и впередъ, начали стрѣлять по цѣпи нашихъ Казаковъ. Графъ приказалъ не отвѣчать имъ ни однимъ выстрѣломъ. Наѣзники горя-

тились, стрѣляли и дерзко приближались къ Казакамъ: нѣ отступали. Егери выслали стрѣлковъ и резервы: наѣзтники назадъ, назадъ и скрылись за возвышеніе. Я поскакалъ туда, чтобы утѣшиться — взглянуть на Арзерумъ.

«Какой обширный городъ, и какъ прелестно разспилается и зеленѣетъ передъ нимъ пространная равнина, орошаемая Евфратомъ! Сколько красивыхъ и смѣлыхъ минаретовъ, какое множество куполовъ, украшающихъ собою мечети Мусульманскія, и какъ еще много уцѣлѣло оспроконечныхъ куполовъ церквей Армянскихъ!» восклицалъ я при первомъ взглядѣ на Арзерумъ. «Ну, любезный!» сказалъ я споявшему со мною шоварищу въ любопытствѣ. «Есть надежда опдохнуть здѣсь порядочно.» — Но удовольствіе наше вдругъ было прервано скакавшимъ на нашу цѣпь Казаковъ Дели-Башами! Засвистали пули. Мы съ шоварищемъ давай Богъ ноги — въ лагерь.

Іюня 27-го, Главнокомандующій, будучи увѣренъ, что городъ въ этотъ день покорится намъ добровольно, приказалъ нашей второй колоннѣ съ ея артиллеріею приготовиться къ парадному вступленію въ Арзерумъ. Всѣ приодѣлись какъ не лѣзя лучше и съ неперпѣніемъ ждали приказанія. Но, около 40-ти часовъ ушра, явился къ Графу градской старшина, посланный отъ Сераскира съ просьбою: опложить всту-

пление Русскихъ войскъ до 4-хъ часовъ вечера. Главнокомандующій былъ недоволенъ этимъ, однакожъ согласился отсрочить до 3-хъ часовъ.

Между тѣмъ, въ 9 часовъ утра, Турки, съ укрѣпленной горы Топъ-дахъ, изрѣдка стрѣляли по нашимъ передовымъ бекешамъ и фуражерамъ; послѣ полудня выстрѣлы ихъ становились все чаще, и напослѣдокъ сдѣлались непрерывными: нѣсколько ядеръ упало передъ нарядными колоннами егерей!.. Главнокомандующій разсердился: приказалъ войскамъ строиться въ боевой порядокъ, сѣлъ на коня и велѣлъ слѣдовать за собою.

Музыка, барабаны, горны, визгъ непріятельскихъ ядеръ и шукошны аршиллерійскихъ колесъ 40-ка орудій съ ихъ зарядными ящиками, быстро кашающихся по каменистому грунту къ укрѣпленной горѣ: все это вмѣстѣ, послѣ пикаго дня и мирныхъ ожиданій, очень походило на жестокій морской шквалъ.

Прежде тѣмъ наши колонны со всѣхъ, кромѣ западной, сторонъ вскарабкались до половины крушаго и каменистаго скаша горы, Турки бросили свои башарен и убѣжали въ городъ. Еще изъ жерлъ орудій непріятельскихъ башарей, опѣ послѣднихъ выстрѣловъ не пересхалъ идши дымъ, какъ уже 16 легкихъ, по правую сторону оставленной башарен, и 8 башарейныхъ орудій по лѣвую, были поставлены, заряжены, наведены:

съ неперпѣніемъ ждали приказанія начать пальбу. При появленіи нашихъ войскъ на верху Топъ-даха, Турки, съ наружныхъ башарей, устроенныхъ передъ воспочнымъ форштапомъ, открыли ю насъ жестокою пальбу: ядра лешали черезъ наши головы, гранаты лопались передъ нами. *«Башарей готовы, Ваше Сіятельство! Прикажете стрѣлять?»* спросилъ у Главнокомандующаго Начальникъ Артиллеріи. — *Нѣтъ, погодите;*—отвѣчалъ Графъ.—*«Я далъ Сераскиру слово ждать до 3-хъ часовъ и сдержу его.»* До условленнаго срока оставалось 6 минутъ. Наспало 3 часа — и 3 башарей (каждая по 8-ми орудій) премо мѣшками залпами горько заспавили замолчашъ непріятельскія башарей и вапомнили Сераскиру о условіи сдать крѣпость. Съ южной стороны форштапа показалась депутація: башарей наши прекрапили огонь. Белгаръ Бекъ (Военный Губернашоръ) Арзерума, поднесъ Графу Эриванскому ключи крѣпости.

Послѣ сего Главнокомандующій приказалъ Генералу Панкратьеву съ его второю колонною парадно вступишь въ Арзерумъ.

Надобно было видѣшь съ какимъ неперпѣливымъ удовольствіемъ солдаты наши спѣшили спуститься съ Топъ-даха на дорогу. Гора эша, съ юго-западной стороны, весьма круша, камениста, и не имѣешъ ни шропиночки. Не смопря

на сіе , колонна сошла , скапилась на дорогу въ двѣ минуны, и даже артиллерія, лавируя по скалу горы внизъ , спустилась весьма скоро , принеся въ жертву Топъ-даху одинъ зарядный ящикъ.

Приоправившись, колонна выстроилась передъ воспочными (Карскими) воротами форшташа , съ барабаннымъ боемъ и музыкою вступила въ предмѣстіе Арзерума и продолжала слѣдовать далѣе.

Узкая , извилистая , тѣсно обставленная закопѣлыми домами, и успанная, почтѣ же сказать усыпанная, голышемъ, и, отъ избытка фонтановъ, всегда грязная улица, вела насъ къ воспочной стѣнѣ крѣпости и цитадели. Турки заперли дома свои и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ или не хотѣлъ взглянуть на Рускихъ. За то Армяне всѣ высыпали изъ домовъ своихъ: мужчины, снявъ чалмы, тѣснились по улицѣ, а дѣти и женщины, съ полуоткрытыми лицами, стояли на плоскихъ крышахъ домовъ своихъ, и всѣ, съ живѣйшимъ чувствомъ радости, спаваясь на колѣни и воздѣвая руки къ небу, крестились, кланялись, плакали отъ умиленія, и подбѣгая къ офицерамъ и солдатамъ, прикасались къ ихъ плащю.

Прошедши улицу и небольшой каменный, надъ неоправною рытвиною, мостъ, мы повернули на лѣво, и между крѣпостнымъ рвомъ и неоправною

рышвиною, по гладкой и широкой улицѣ, взводами, торжественно маршировали къ огромнымъ крѣпостнымъ Тавризскимъ вѣроуамъ. По всей длинѣ восточной стѣны крѣпости и цитадели, между зубцами, въ высокихъ (въ аршинъ) цилиндрическихъ шапкахъ, съ ружьями и прубками, неподвижно сидѣли смѣлые Дели-Баши, а по цитадельной стѣнѣ Арнаушы.

Миновавъ первыя и вторыя крѣпостныя вѣроуа, мы повернули на право, и опять узенькою улицею, вдоль восточной же стѣны, въ гору пошлились къ стѣнамъ цитадели. Дошедши до ея крѣпкихъ желѣзныхъ вѣроуа, колонна остановилась. Вѣроуа цитадели были заперты: Арнаушы перемѣнили свое намѣреніе сдать цитадель, и кричали намъ, что они будутъ защищаться до послѣдней крайности. Объ этомъ неожиданномъ упорствѣ Генералъ Панкратьевъ послалъ доложивъ Главнокомандующему, остававшемуся на горѣ Топъ-дахъ. Графъ приказалъ взять цитадель приступомъ. Арнаушы, увидѣвъ къ сему рѣшительное приготовленіе, ошворили вѣроуа. 42-й Егерскій полкъ занялъ цитадель, а моя легкая рота, не имѣя возможности вѣхаться внутрь цитадели, обошла оную по западной сторонѣ и вломилась на сѣверную башарю, приспособленную къ стѣнѣ цитадели. На этой башарѣ стояло 14 большихъ заряженныхъ крѣпостныхъ пушекъ. Разсчитавъ своихъ людей по

Турецкіи орудія и пригошовившиє къ стрѣльбѣ, мы смѣло ругались за спокойствіе сѣверной части города и его форштаповъ.

Начальникъ Аршиллеріи пошребовалъ меня къ себѣ на Топъ-дахъ. Онъ поручилъ мнѣ сдѣлать и представить къ нему вѣдомость всей имѣющейся въ Арзерумѣ Турецкой аршиллеріи и всему принадлежащему къ ней имуществу.

Главнокомандующій, окруженный Штабомъ своимъ, полками и аршиллеріею, расположенными по обѣ стороны горы и въ низу, на дорогѣ, прошивъ воровъ восточнаго предмѣстія, стоялъ на вершинѣ горы и не сводилъ глазъ съ Арзерума. Довольный, что покореніе многолюднаго и крѣпкаго города не стоило Рускимъ ни капли крови, онъ все еще, зная коварство всегда непріязненнаго къ намъ Азіяпскаго народа, беспокоился о второй колоннѣ до пѣхъ поръ, пока Генералъ Панкрашъевъ донесъ ему, что мѣры безопасности уже всѣ приняты и всякое со стороны Турковъ покушеніе уже было бы тщетно.

Было 7 часовъ вечера. На превысокой сѣверо-западной башнѣ ципадали развивалось знамя Русское, играла полковая музыка и разносились пѣсни Русскія; за высокими, зубчатыми

спѣнами города Арзерума. гордо расхаживали
часовые Русскіе и на зеркальныхъ стволахъ
къ ружейъ рѣзались яркіе лучи закатывав-
шагося солнца.

Сентября 12-го

1829 года.

Арзерумъ.
